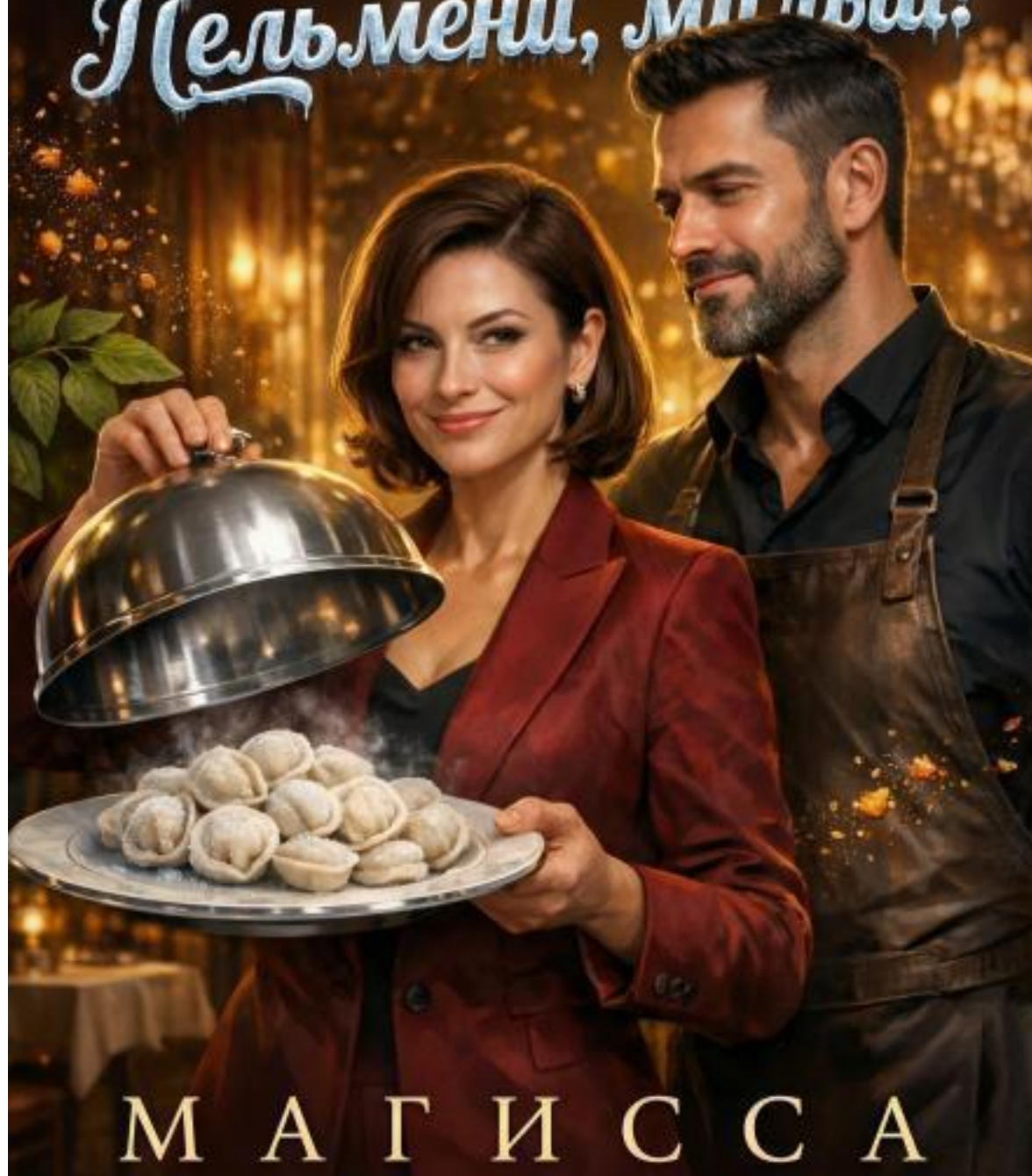

ИЗМЕНА

На обед теперь только...
Пельмени, милый!

МАГИССА

Магисса –

**Измена: На обед теперь
только Пельмени, Милый!**

«Литнет»

2026

– М.

Измена: На обед теперь только Пельмени, Милый! / М. – —
«Литнет», 2026

- Варенька... А где моя дорадо? - голос мужа дрогнул, когда он уставился на серый, недоваренный ком в тарелке. Очки от Гуччи блеснули паникой.
- Дорадо уплыла на Бали, Леня, - ласково улыбнулась я. - Вместе с твоим выдуманным симпозиумом и 21-летней Лялей Пипетковой. - Что это значит?! И что это за гадость на тарелке?! - Это пельмени «Студенческие» по акции. Твой новый рацион, милый. Потому что твоя юная фея не умеет варить даже макароны. Жуй. Углеводы полезны для мозга. Говорят, они помогают вспомнить, где стоят твои собранные чемоданы. На выход. Двадцать лет я порхала вокруг мужа с фермерскими овощами и паровыми котлетками, оберегая его нежный желудок. А он оплатил мне дешевой интрижкой. Слезы? Истерики? Еще чего. Я агроном-селекционер, я привыкла безжалостно вырывать сорняки с корнем. Но бывший решил пойти войной: он хочет отсудить мои разработки и выжить меня из квартиры! Что ж, Леня, ты сам напросился. Моя месть будет изящной, как высокая кухня. А поможет мне в этом потрясающий столичный ресторатор, который точно знает: настоящую женщину нужно не использовать, а кормить с рук. В тексте есть: #измена_мужа (и его жестокое, но очень смешное гастрономическое наказание) #адекватная_героиня (взрослая, умная, со стальным стержнем и сарказмом) #настоящий_мужчина (брутальный шеф-повар, который готовит САМ и решает проблемы!) #отчаянный_бывший (получит по заслугам) #тонкий_юмор_и_ирония (смеемся до слез) ♥# #Хэппи_энд (обязательный, вкусный и заслуженный) Роман-антидепрессант! Читать рекомендуется с бокалом чего-нибудь вкусного и хорошим настроением.

© – М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Космические овощи для папика	6
Глава 2. Ультиматум под серебряной крышкой	10
Глава 3. Зона рискованного земледелия	14
Глава 4. Инквизиция фитолампами	18
Глава 5. Желудок в изгнании (Леонид)	22
Глава 6. Сладкий запах свободы	26
Глава 7. Крестовый поход свекрови	30
Глава 8. Катарсис на агро-ярмарке	34
Глава 9. Контракт со вкусом эспresso	37
Глава 10. Сводки с гастрономического фронта	39
Глава 11. Подлый удар в спину	42
Глава 12. Дьявол кроется в патентах	45
Глава 13. Анатомия юридического крюкотворства	49
Глава 14. Симфония жженого дуба	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Космические овощи для папика

- Расти, мой хороший. Выпускай завязь, не ленись, - я стянула грубую рабочую перчатку и осторожно, почти нежно провела голым пальцем по плотному зеленому листу. - Тебе еще предстоит пережить эту зиму назло всем прогнозам.

Воздух в экспериментальной теплице НИИ АгроСинтез был густым, как темная патока. Он пах влажным торфом, озоном от мощных фитоламп и той первобытной, древней магией плодородия, которую невозможно синтезировать ни в одной современной лаборатории. Я стояла по локоть в земле, одетая в старый рабочий брезентовый фартук и скрипучие резиновые сабо.

Мои руки творили привычное, осязаемое колдовство над новым сортом сладкого перца «Ледяное пламя». Он должен был стать моим главным научным триумфом. Плод, который наливается сладким соком, но способен выжить при первых, самых жестоких заморозках. Прямо как я сама.

Хотя, если быть честной, моя личная жизнь никаких заморозков не предполагала. Мой муж Леонид холодов не выносил категорически. Ни в природе, ни в семейных отношениях. Его аура пахла аптечной ромашкой, дорогим парфюмом и легкой, но постоянной ипохондрией. Сегодня вечером он возвращался со скучнейшего симпозиума по глаукоме в Сызрани.

Двадцать лет брака научили меня, что после поездок в душных поездах и питания казенной едой желудок моего мужа требует особой, почти религиозной заботы. Ленин желудок вообще был смыслом существования нашей семьи. Ради него я освоила паровую кулинарию на уровне мишленовского шефа.

В нашем домашнем холодильнике его уже ждала идеальная фермерская дорадо. Я лично замариновала ее рано утром в оливковом масле первого отжима, добавив веточку тимьяна, каплю лимонного сока и крошечную щепотку белого перца. Никакой агрессивной паприки или, боже упаси, чеснока. Желудок моего мужа - это тонкий акустический инструмент, настроенный исключительно на диетические вибрации.

Я заботилась о нем так же фанатично и преданно, как о своих экспериментальных томатах и гибридных огурцах. Мне казалось, что эта сложная гастрономическая забота и есть тот самый невидимый цемент, который крепко держит наш брак.

Мои размышления о правильной температуре запекания рыбы прервал резкий звук. Дверь с массивной табличкой «Посторонним вход строго воспрещен» распахнулась с такой невероятной силой, что жалобно звякнуло стекло.

В мое умиротворенное царство влажной земли и зеленого спокойствия ворвался агрессивный пучок резкого белого света. Это была портативная кольцевая лампа. А за ней скрывалось существо, которое в научном классификаторе сорняков должно было занимать почетное первое место.

- Приветтики, мои осознанные! - защебетал высокий, немного гнусавый девичий голос. - Я сейчас нахожусь в каком-то жутко криповом месте. Тут кругом грязная земля и пахнет... ну, типа деревней. Зато это самый настоящий эко-центр, представляете?

Существо уверенно шагнуло в проход между грядками. Девушка лет двадцати, не больше. На ней были пушистые розовые сапожки-угги, совершенно нелепые для осенней слякоти на улице, и короткий топ, открывающий плоский живот с пирсингом. Но главным в ней было лицо. Оно состояло из фильтров популярной социальной сети, убойной дозы гиалуроновой кислоты в губах и абсолютно кристальной, не замутненной интеллектом уверенности в своей правоте.

- Девушка, - я медленно выпрямилась, натягивая перчатку обратно и отряхивая руки от налипшего влажного торфа. - Вы заблудились. Это закрытая карантинная зона НИИ. Ларек с овощами находится в соседнем здании, за серым забором.

Она опустила телефон, и кольцевая лампа ослепила меня на секунду, выхватив из полумрака ряды моих драгоценных перцев.

- Ой, здравствуйте! - девица ничуть не смутилась. - А вы тут местный фермер, да? Классный вайб. Я Ляля Пипеткова. Я вообще-то искала ту самую эко-лавочку, но там на проходной дед спал, а эта дверь была открыта. Мне срочно нужны вибрационно чистые овощи. Прямо с куста, понимаете? Без негатива.

Я с профессиональным интересом селекционера уставилась на Лялю. С точки зрения биологии она была феноменом. Уникальный паразит эпохи потребления, питающийся чужим вниманием, энергией космоса и, судя по дорогой брендовой сумочке, щедростью состоятельных спонсоров. В ее вселенной макароны наверняка росли на итальянских деревьях, а слово «углеводы» считалось заклинанием темных сил.

- Вибрационно чистые? - переспросила я, чувствуя, как внутри просыпается мой фирменный сарказм. - У нас тут только научно синтезированные. С повышенным содержанием прагматизма и нитратов здравого смысла.

- Вы просто не понимаете, - Ляля капризно надула и без того объемные губы. - В супермаркетах продукты с мертвой аурой. Они впитывают токсичную энергию уставших кассиров. А мне нужны овощи, наполненные светом и позитивом. Я снимаю влог про натуральное питание. Продайте мне вот те длинные зелененькие штучки. Пожалуйста!

Она ткнула наманикюренным пальцем со стразами в сторону моих элитных кабачков-цукини. Тех самых, над селекцией которых я тряслась последние два месяца, высчитывая каждый миллилитр удобрений.

- Это не штучки, это экспериментальный гибрид, - вздохнула я.

Спорить с человеком, чей мозг работает исключительно на энергии лунных календарей и поющих чаш, было абсолютно контрпродуктивно. Легче дать ей то, что она просит, и выставить за дверь, пока она не затоптала мне нежную рассаду своими розовыми пушистыми копытами.

Я взяла с деревянного стеллажа секатор и аккуратно срезала два самых крупных цукини. Они были идеальными: гладкие, тяжелые, налитые терпким соком.

- Держите. И пусть ваша аура сияет ярче полярного сияния.

Ляля радостно пискнула, одной рукой неловко прижимая тяжелые кабачки к груди, а другой снова поднимая телефон на уровень глаз, чтобы поймать идеальный ракурс.

- Девочки, вы просто не представляете, как мне сегодня повезло! - затараторила она прямо в объектив камеры. - Я добыла идеальные живые овощи для моего папика. У моего Ленечки такой нежный желудок! Вы же знаете, как эти врачи сами за собой совершенно не следят. Сапожники без сапог.

Моя рука с секатором замерла в воздухе. В теплице вдруг стало очень тихо. Лишь где-то под потолком монотонно гудел вентилятор.

- Он вообще целыми днями пялится в эти свои дурацкие микроскопы, - продолжала щебетать Ляля, сияя искусственными ровными зубами. - Зрение себе сажает, бедняжка. Купил себе недавно такие смешные бордовые очки от Гуччи, ну чисто кот Базилио! Я ему говорю: «Ленечка, бросай всё, у тебя выгорание и низкие вибрации».

Звук, с которым лопается перезревший, оставленный на летнем солнцепеке томат, невозможно спутать ни с чем. Влажный, глухой, чавкающий хлоп.

Именно с таким звуком сейчас в моей голове лопнула иллюзия моего идеального, выверенного до миллиметра брака.

Врач. Нежный желудок. Ленечка.

И бордовые очки от Гуччи.

Я сама забирала их из дорогой оптики в центре Старо-Коренска ровно три недели назад. Роговая оправа обошлась в половину моей скромной зарплаты ведущего научного сотрудника. Леня тогда долго жаловался, морща лоб, что от дешевого пластика у него болит переносица, а статусному врачу негоже выглядеть как участковому терапевту.

- И представляете, девочки, - Ляля победно улыбнулась в объектив, откидывая наращенные волосы назад. - Он меня послушал! Отменил какую-то дико унылую поездку на симпозиум в какую-то... Сызрань? Господи, кто вообще в здравом уме добровольно ездит в Сызрань? В общем, он взял за свой счет отпуск, и завтра мы летим на Бали! Будем чистить чакры, пить смузи из папайи и восстанавливать его мужскую энергию.

Она опустила телефон, трансляция прервалась. Девушка посмотрела на меня хлопающими глазами.

- Переведите триста рублей по номеру? - спросила она невинно. - Или у вас тут наличкой?

В дешевых мелодраматических романах женщины в такие моменты театрально падают в обморок. Или начинают истошно кричать, хватаясь за сердце. Или роняют из ослабевших рук инструменты, чтобы те со звоном ударились о бетонный пол теплицы.

Я не выронила секатор. Я просто положила его на деревянную полку. Аккуратно, лезвием от себя. Мои руки совершенно не дрожали. В груди не вспыхнул пылающий пожар праведного гнева и предательства. Там стремительно, как при аномальном ночном заморозке, расплзался абсолютный, кристально чистый, звенящий лед.

Двадцать лет. Я с маниакальным упорством гладила его дурацкие рубашки, слушала его нудные лекции об отслоении сетчатки глаза за ужином, варила ему полезные диетические бульоны на фермерской курице. Я свято верила, что наш скучный, устоявшийся быт - это и есть настоящая, взрослая надежность. А моя «надежность» в бордовых очках сейчас собирала чемоданы на Бали с девочкой, которая искренне думает, что продукты впитывают энергию кассиров.

- Не нужно перевода, - мой голос прозвучал ровно. В нем не было ни единой лишней вибрации или дрожи. С такой интонацией я могла бы озвучивать автоответчики в морге. - Это подарок от заведения. Натуральное питание - залог здоровья.

- Ой, спасибо! - Ляля захлопала накладными ресницами. - Вы такая классная!

- Берегите Ленечкин желудок, - я посмотрела ей прямо в глаза, не моргая. - На Бали слишком много опасных тропических инфекций. Ему категорически нельзя острое, жирное и... вранье. От вранья у него бывает жуткая изжога. А теперь на выход. Мне нужно срочно обработать помещение от паразитов.

Ляля непонимающе моргнула, явно не уловив двойного дна в моих словах. Она просто пожала плечиками и послушно поцокала своими розовыми утками к выходу. Дверь за ней закрылась, отрезав меня от писклявого голоса и раздражающего белого света.

Я осталась одна среди зеленого безмолвия. Запах влажной земли, который я так любила, вдруг показался мне невыносимо душным.

Я медленно стянула перчатки. Бросила их на металлический стол. Посмотрела на свои руки: коротко стриженные ногти, въевшаяся в сухую кутикулу земля. Это были руки женщины, которая слишком долго копалась в чужом комфорте, совершенно забыв о собственном.

До конца моей смены оставался еще целый час, но я физически не могла больше находиться здесь. Мне нужно было действовать. Магия прагматизма требовала не горьких слез в подушку, а четкого, холодного алгоритма.

Я сняла брезентовый фартук, сменила скрипучие резиновые сабо на кожаные ботильоны, накинула свой любимый бежевый плащ и вышла из здания НИИ.

На Старо-Коренск уже опустились ранние, промозглые осенние сумерки. Моросил мелкий, противный дождь. Холодный ветер трепал полы плаща, но я не чувствовала холода. Тот лед, что сковал меня изнутри, был гораздо сильнее любой непогоды.

Мой путь лежал не домой. В нашу трехкомнатную квартиру, где в холодильнике ждала своего часа глупая, ни в чем не повинная элитная рыба, мне пока было не нужно. Я свернула к ярко освещенному фасаду дешевого сетевого супермаркета, который располагался на первом этаже старой серой панельки.

Автоматические стеклянные двери разъехались с приветливым, бездушным шипением. Внутри пахло мокрым картоном, дешевым стиральным порошком и безысходностью спального района. Резкий, бьющий по глазам контраст с моей живой, дышащей оранжереей. Здесь царил стерильный неон и мертвое изобилие пластиковых упаковок.

Я взяла красную пластиковую корзинку.

Я равнодушно прошла мимо отдела свежих овощей. Глянцевые, абсолютно безвкусные пластмассовые помидоры смотрели на меня с немым укором. Я миновала рыбный прилавок, где на подтаявшем льду лежали грустные, помятые жизнью карпы. Миновала полки с диетическим мясом индейки - многолетней основой Ленечкиного здорового рациона.

Моя цель находилась в самом дальнем, самом холодном углу магазина.

Морозильные лари гудели, как неисправные трансформаторные будки. Толстые стекла были покрыты густым слоем белого инея. Я с усилием отодвинула створку. В лицо пахнуло хтоническим магазинным холодом.

Среди пестрых упаковок рыбных палочек и безликих замороженных овощных смесей лежали они. Пельмени «Студенческие». Желто-красная пачка, кричащая об акции «Два по цене одного». Состав, напечатанный микроскопическим шрифтом на обратной стороне, тактично умалчивал о наличии настоящего мяса, зато щедро обещал покупателю сою, усилители вкуса и загадочную пищевую целлюлозу.

Я достала одну пачку. Она была невероятно тяжелой. Судя по всему, пельмени внутри когда-то давно растаяли из-за отключения света, а затем замерзли снова, превратившись в единый, монолитный, неразделимый ком ледяного серого отчаяния.

Идеальная метафора.

Я взвесила этот кулинарный кошмар на ладони. Холод обжигал тонкую кожу, но мне это даже нравилось. Двадцать лет я подавала мужу сложные, изысканные блюда, вкладывая в них свою заботу, свою молодость, свое время. Я была удобной, как стоптанные домашние тапочки. А он с легкостью променял этот комфорт на дешевую, наспех слепленную интрижку с глупой девчонкой.

Что ж. Значит, меню на нашей кухне радикально меняется.

Я с размаху швырнула ледяной ком в пустую пластиковую корзинку. Пачка гулко ударилась о дно.

- Счастливого пути на Бали, Леня, - прошептала я, глядя на покрытый инеем пластик. - Дорадо отменяется. На обед теперь только пельмени, милый.

Глава 2. Ультиматум под серебряной крышкой

Глухой, тяжелый стук ледяного монолита о тончайший костяной фарфор прозвучал на моей идеально чистой кухне как удар судейского молотка.

Я стояла у кухонного острова и с академическим интересом рассматривала композицию, которую только что создала. В центре изысканной тарелки с золотой каемкой, купленной много лет назад по случаю нашей десятой годовщины, покоился он. Хтонический артефакт из самого холодного угла супермаркета, который я полчаса назад принесла сквозь осеннюю слякоть. Смерзшийся ком пельменей «Студенческие».

Вокруг него не было ни капли оливкового масла, ни листочка свежего базилика, ни даже банального магазинного кетчупа. Только голая, суровая правда жизни, припорошенная кристалликами инея. Я специально подогрела фарфор перед подачей, как того требуют строгие правила высокой кухни. Лед на нижнем слое пельменей начал слегка потрескивать, вступая в температурный конфликт с элитной посудой.

У предательства есть свой осязаемый вес. В моем случае оно весило ровно восемьсот граммов и состояло из сои, загадочных усилителей вкуса, пищевой целлюлозы и обрезков хрящей. Идеальная метафора двадцати лет брака, в финале которого тебя променяли на инстаграмный фильтр с накачанными гиалуроновой кислотой губами.

Я накрыла это кулинарное фиаско большим мельхиоровым клошем - специальной полусферической крышкой для подачи горячих блюд. Когда-то я купила ее на антикварной барахолке, чтобы устраивать Лене красивые романтические ужины с ресторанным шиком. Теперь этот натертый до блеска купол послужил саркофагом для его комфортной жизни.

Идеальная фермерская дорадо, источающая тонкий аромат тимьяна и белого перца, сиротливо ждала своей участи на нижней полке холодильника. Ее время безвозвратно ушло. Сегодня в меню значилась исключительно замороженная карма.

В прихожей уже ждал своего часа большой кожаный чемодан коньячного цвета. Придя из супермаркета и сбросив влажный плащ, я собрала вещи мужа с той же методичной, пугающей педантичностью, с которой по весне пикировала нежную рассаду. Никаких слез, никаких разрезанных ножницами галстуков или выброшенных в окно пиджаков. Я аккуратно сложила рубашки к рубашкам, носки к носкам. Я даже заботливо положила на самый верх в несессер запасные капли для глаз. Бали - коварное место, мало ли как отреагирует чувствительная роговица моего мужа на тропическое солнце и вибрационно чистые овощи Ляли Пипетковой.

В замке входной двери сухо, по-хозяйски щелкнул ключ.

Я не вздрогнула. Мой пульс бился ровно, как старый надежный метроном. Магия прагматизма, которую я культивировала годами, работала безотказно, замораживая на корню любые ростки потенциальной истерики.

- Варенька, я дома! - раздался из коридора страдальческий, профессионально поставленный баритон Леонида. - Боже мой, как я зверски устал...

Я вышла в прихожую, на ходу вытирая руки безупречно чистым льняным полотенцем.

Леонид Лобов стоял на коврикe, стряхивая мелкие капли осеннего дождя со своего дорогого итальянского кашемирового пальто. В полумраке коридора тускло поблескивали стекла тех самых бордовых очков от Гуччи. Тех самых, на которые я откладывала деньги два месяца, кропотливо экономя на реактивах для лаборатории, чтобы мой муж выглядел в своей частной клинике как настоящий профессор, а не как уставший участковый терапевт.

- Эта Сызрань просто вытянула из меня все соки, - продолжал причитать Леня, кряхтя и стягивая с ног кожаные ботинки. - Ты не представляешь, какой кошмар. В поезде дуло изо всех щелей. Кондиционер работал как ненормальный, я боялся застудить шею. А симпозиум?

Скука смертная! Три часа слушали нуднейший доклад о возрастных изменениях сетчатки у пенсионеров. У меня от этих графиков до сих пор рябит в глазах.

Он повесил влажное пальто на крючок и повернулся ко мне, ожидая привычной порции женского сочувствия, теплых объятий и тревожного вопроса о том, не болит ли у него поясница.

Я молчала, прислонившись плечом к дверному косяку, и просто смотрела на него. Включала профессиональное зрение селекционера, оценивающего новый, неизвестный науке вид вредителя.

Во-первых, Леня выглядел подозрительно свежим для человека, который якобы трясся в душном вагоне и питался сомнительными беляшами на полустанках. Во-вторых, его лицо. Оно сияло неестественно ровным, плотным кирпичным оттенком. Это был не румянец от колючего ноябрьского ветра. Это был классический, агрессивный загар из дорогого солярия. Офтальмолог явно готовился к пляжному сезону, не выезжая за пределы Старо-Коренска.

Но главное - запах. От него не пахло мазутом железной дороги, больничной дезинфекцией или хотя бы дорожной усталостью. Его аура разила дешевым кокосовым лосьоном для загара, смешанным с приторными нотками какого-то молодежного парфюма. Так пахнут не научные симпозиумы по глаукоме. Так пахнет запущенный кризис среднего возраста.

- А чем у нас так вкусно пахнет? - Леня потянул носом воздух, игнорируя мое молчание. - Точнее... ничем не пахнет? Варенька, скажи мне, что ты запекла ту роскошную рыбу с розмарином. У меня желудок свернулся в тугой узел от их казенной еды. Я мечтаю о нормальном, диетическом ужине.

- Проходи на кухню, Леня, - мой голос прозвучал так же ровно, как гудение нашего немецкого холодильника. - Твой ужин ждет тебя.

Он радостно потер руки, словно предвкушающий лакомство енот, и направился в святая святых нашей квартиры. Я последовала за ним, чувствуя себя зрителем в партере перед началом абсурдной театральной премьеры.

Леня вальяжно уселся за стол. Он снял свои статусные очки, педантично протер их специальной микрофиброй из нагрудного кармана и водрузил обратно на переносицу. Посмотрел на сияющий мельхиоровый клош в центре стола.

- Какая подача! - усмехнулся он, откидываясь на спинку стула. - Ты превосходишь саму себя. Прямо как в ресторане со звездой Мишлен. Там дорадо под овощной подушкой на пару?

- Поднимай, - коротко скомандовала я, останавливаясь напротив него.

Он взялся за фигурную ручку клоша и с изящным, почти театральным жестом откинул крышку в сторону.

Улыбка на его загорелом лице застыла. Мозг офтальмолога явно дал катастрофический сбой, пытаясь совместить ожидание нежного рыбного филе с суровой реальностью серого монолита, источающего отчетливый запах морозильной камеры и сырого теста.

- Это... что? - Леня часто заморгал, словно пытаясь сбросить наваждение.

Он взял тяжелую серебряную вилку и недоверчиво ткнул ею в ледяную глыбу. Раздался жалкий металлический лязг. Вилка отскочила от непробиваемой соевой брони.

- Это твой новый рацион, милый, - я оперлась обеими руками о столешницу, глядя ему прямо в глаза. - Пельмени «Студенческие». По желтому ценнику. Двадцать девять рублей за пачку.

- Варя, что за дурацкие авангардные шутки? - Леня раздраженно бросил вилку на стол. - Я не понимаю твоего юмора. Где моя дорадо? Я устал с дороги, у меня может начаться обострение гастрита!

- Дорадо уплыла, - я чуть склонила голову набок, наблюдая за его реакцией. - Прямиком на Бали. Сбирать чемоданы и чистить чакры.

Загар на лице Леонида дрогнул и начал стремительно бледнеть, приобретая сероватый, землистый оттенок, удивительно гармонирующий с пельменями на тарелке.

- Какое... какое Бали? - его голос дал жалкого петуха. - Варя, у тебя переутомление. Тебе вредно столько возиться в теплицах с этими твоими гибридами. Ты надышалась удобрениями, у тебя галлюцинации.

- Я надышалась враньем, Леня, - сухо отрезала я. - А от вранья, как ты помнишь, у тебя бывает страшная изжога. Ляля Пипеткова передавала тебе горячий привет. И просила беречь мужскую энергию для тропиков. Ей для папика нужны исключительно живые овощи.

В кухне повисла звенящая, тяжелая тишина. Слышно было только, как монолитный ком на тарелке издал тихий влажный хруст, начав таять от соприкосновения с теплым фарфором.

Глаза Лени за стеклами Гуччи забегали в дикой панике. Он напоминал жирного жука-короеда, которого внезапно вытащили из уютной деревянной норки на яркий, выжигающий солнечный свет. За двадцать лет брака он привык, что я удобная, понимающая и бесконечно терпеливая домашняя тапочка. Он не ожидал встретить здесь глухую стену из армированного бетона.

- Варя... Варенька, подожди, - он выставил перед собой руки ладонями вперед, включая свой фирменный режим психологического укачивания. - Ты все не так поняла! Это какая-то чудовищная ошибка! Ляля - это просто моя пациентка! У нее очень сложный случай. Ювенильная форма глаукомы на фоне стресса! Плюс она увлекается эзотерикой и помогает мне... исключительно как духовный коуч! Ты же знаешь, какая у меня нервная работа в клинике.

- Духовный коуч, значит? - я усмехнулась одним уголком губ. - С плоским животом и пирсингом в пупке.

- Да! - Леня отчаянно закивал, цепляясь за эту версию как утопающий за спасательный круг. - А Бали... это медицинский ретрит! Мы обсуждали лечебные вибрации! Вибрации - это медицинский термин, Варя! Инновационный вибромассаж глазного дна! Я бы тебе обязательно все рассказал, просто не хотел волновать раньше времени!

- Конечно, рассказал бы, - я кивнула, наслаждаясь каждым мгновением его жалкого, суетливого падения. - Прислал бы открытку с обезьянкой. Слушай меня внимательно, инновационный ты мой. Девочка, которая не знает, как выглядит куст цукини вживую, вряд ли умеет варить сложные диетические супы. Поэтому привыкай к замороженным углеводам. Говорят, они полезны для кровообращения. Может, вспомнишь, где стоит твой чемодан.

Я сделала шаг назад, вышла в полумрак коридора и выкатила на свет тяжелый кожаный чемодан. Колесики противно скрипнули по ламинату.

- Я даже не стала складывать твои шелковые галстуки, - будничным тоном добавила я, остановив чемодан возле кухонной двери. - В ретрите они тебе ни к чему. А вот крем от солнца с фактором защиты пятьдесят я заботливо положила. Береги свой солярийный загар, Ленечка. Облезешь - Пипеткова не оценит.

Леонид уставился на чемодан так, словно это была тикающая водородная бомба. Газлайтинг не сработал. Маска уставшего непризнанного гения треснула пополам, и из-под нее показалось истинное лицо инфантильного, напуганного, но потрясающе эгоистичного мальчика.

Его растерянность мгновенно сменилась первобытной агрессией. Это была классическая защитная реакция примитивных организмов, загнанных в угол.

- Ах так?! - Леня вскочил из-за стола. Тяжелый дубовый стул с грохотом отлетел назад и ударился о стену. - Значит, ты вот так заговорила?! Решила вышвырнуть меня на улицу как паршивую собаку?!

- Собак я люблю, Леня. Собаки преданные и не врут про симпозиумы в Сызрани. А ты просто ошибся дверью. Тебе в экологически чистую зону, к поющим чашам.

- Никуда я не пойду! - он со всей силы ударил кулаком по столу, заставив фарфор жалобно звякнуть, а ледяной ком - слегка покачнуться. - Это моя квартира! Половина этих метров при-

надлежит мне по закону! Я здесь прописан! Я зарабатывал на эти итальянские обои! Я подам в суд!

Он тяжело, со свистом дышал, ожидая, что я начну кричать в ответ. Что я схвачусь за сердце, начну бить посуду, швырять в него полотенца или бросаться с кулаками, требуя объяснений. В таких кухонных скандалах он был признанным мастером - умел вывести женщину на истеричные эмоции, а потом с видом оскорбленного аристократа обвинить ее в неадекватности.

Но я не стала играть по его заученным правилам. Я смотрела на него с холодной, исследовательской отстраненностью. Передо мной стоял чужой, красный от натуги мужчина, который измерял двадцать лет моей безоговорочной заботы, бессонных ночей во время его простуд и тысячи выглаженных воротничков квадратными метрами жилплощади.

- Твои метры, Леня, - абсолютно спокойно согласилась я. Мой голос не дрогнул ни на полтона. Я не дала ему ни единой эмоциональной зацепки для подпитки его вампирского эго. - Ты абсолютно прав с юридической точки зрения. Ипотеку мы платили вместе.

Он осекся на полуслове, явно не ожидая такого быстрого, бесконфликтного согласия. Его рот смешно приоткрылся.

- Вот именно! - буркнул он уже менее уверенно, нервным жестом поправляя съехавшие очки. - И я не собираюсь уходить в ночь из собственного дома из-за твоих беспочвенных фантазий! Я имею право на эту площадь!

- Метры твои, - я подошла к столу, взяла свою любимую керамическую кружку с давно остывшим мятным чаем. - А вот сервис - мой. Ресторан здорового питания закрыт. Прачечная обанкротилась. Бесплатная клининговая компания уволилась одним днем. Можешь спать на своих законных метрах в гостиной на диване. Постельное белье найдешь сам, если, конечно, вспомнишь, где у нас находится шкаф с бельем.

- Варя, ты сошла с ума... - прошипел он, глядя на меня со смесью злобы и липкой растерянности. - Ты разрушаешь семью из-за пустяка!

- Напротив. Я наконец-то пришла в себя.

Я развернулась и пошла по коридору. Мои шаги были легкими, пружинистыми и уверенными. Я ни разу не оглянулась назад. За спиной в тишине кухни тяжело и обиженно сопел Леонид.

Я зашла в спальню, где пахло лавандовым саше и покоем, тихо прикрыла за собой дверь и повернула собачку замка. Раздался сухой, окончательный металлический щелчок. Граница была установлена.

Я прислонилась спиной к прохладному дереву двери, сделала глубокий вдох и прислушалась к квартире. Там, за стеной, было тихо. Леня не ломился в дверь, не сыпал проклятиями и не требовал продолжения банкета.

В моем воображении кристально четко рисовалась картина того, что сейчас происходило на кухне. Офтальмолог стоял посреди комнаты, один на один со своим новым диетическим будущим. А на столе, на подогретом элитном фарфоре, под светом дорогой люстры, монолитный ком дешевых пельменей медленно, неотвратимо подтаивал, пуская по золотой каемке мутную, серую лужицу.

Ледниковый период в нашей квартире официально начался. И я была к нему абсолютно готова. Мой гордость, сорт «Ледяное пламя», выдерживал в теплицах и не такие заморозки.

Глава 3. Зона рискованного земледелия

Удивительная вещь - акустика старых кирпичных пятиэтажек. Она работает как идеальная исповедальня, только без отпущения грехов и с полным эффектом присутствия. Стоя у кухонного окна, я отчетливо слышала, как за стеной, в гостиной, кто-то мучительно, с театральным надрывом вздыхает и ворочается, заставляя жалобно скрипеть уставшие пружины дивана.

Обычно в такое раннее время на мне был мягкий вязаный домашний кардиган - неизменная униформа идеальной, удобной жены, готовой в любую секунду прижать к груди захандрившего мужа или подать ему свежесваренную овсянку нужной температуры. Но сегодня я надела строгую, накрахмаленную до легкого хруста белую рубашку. Она сидела на мне как невесомая кевларовая броня. И варила я не бледный, трусливый цикорий, годами щадящий нежные слизистые Леонида, а настоящий, бескомпромиссный, злой эспрессо.

Кофемашина недовольно заурчала, выдавливая густую, маслянистую черную струю в нагретую керамическую чашку. По кухне поплыл плотный аромат жареной арабики, горького шоколада и абсолютной, звенящей свободы. Я сделала крошечный глоток. Горячая жидкость обожгла язык, окончательно смывая последние призраки вчерашних замороженных пельменей и липкий, тошнотворный запах аптечной ромашки, который годами витал в этом доме.

Дверь на кухню тихо скрипнула. На пороге возникла моя пятнадцатилетняя дочь Инна. На ее макушке криво торчал кислотно-зеленый пучок волос, в ушах торчали неизменные белые наушники. Как и любой подросток, она обладала феноменальным слухом на семейные скандалы. Вчерашний ледниковый период не прошел мимо нее. Она сунула босые ноги в пушистые тапки, скрестила руки на груди и выразительно кивнула в сторону гостиной, откуда донесся очередной мученический стон.

- Наш изгнанник еще жив? - деловитым шепотом поинтересовалась она, беря со стола крепкое зеленое яблоко. - Я думала, он ночью скончается от недостатка диетического питания и твоей подавляющей ауры.

Мы синхронно выглянули в полумрак коридора. В гостиной, неестественно скрючившись на коротком диване, лежал Леонид. Поскольку найти чистое постельное белье в шкафу без моей навигации для него всегда было задачей, сопоставимой с расшифровкой генома, он укрылся колючим декоративным пледом с длинными дурацкими кистями. Из-под пледа торчали голые волосатые икры, а лицо выражало вселенскую скорбь непризнанного гения, жестоко выброшенного на обочину жизни.

- Пап, - Инна вошла в комнату и громко хрустнула яблоком. Хруст раздался такой звонкий, словно она перекусила не фруктовую мякоть, а хребет отцовского самолюбия. Леонид вздрогнул. - А кармический ретрит на Бали отменяется? Пипетка не смогла заварить тебе чакры на завтрак? Или у нее лапки и она только смузи давить умеет?

Леонид резко сел, судорожно натягивая колючий плед до самого подбородка. Без своих статусных бордовых очков от Гуччи он постоянно шурился, напоминая растерянного, разбуженного посреди зимы суслика. Загар из солярия на его помятом лице смотрелся совершенно нелепо, словно он уснул лицом в тарелке с морковным пюре. Поскольку ради поездки в тропики он взял на работе отпуск за свой счет, спасительного бегства в клинику сегодня не предвиделось.

- Инна! Что за тон?! - попытался он рывкнуть с интонацией оскорбленного патриарха, но спросонья голос дал жалкого петуха, сорвавшись на фальцет. - Варвара, ты как воспитываешь дочь?! У меня мигрень, у меня затекла шея, я спал на каких-то буграх! Где мой нормальный завтрак?

Я не стала вступать в перепалку. Магия прагматизма требовала строгой экономии энергии. Я просто сделала еще один глоток обжигающего кофе, искренне наслаждаясь тем, как расплывается по швам его мнимая значимость, и абсолютно ровно произнесла:

- Завтрак в супермаркете за углом, Лень. Отдел полуфабрикатов работает круглосуточно. Там богатый выбор ледяного отчаяния. Приятного аппетита.

Оставив его возмущенно хватать ртом воздух, я накинула свой бежевый плащ, подхватила сумку, ключи и вышла из квартиры. Мой путь лежал туда, где проблемы решались не манипуляциями и истериками, а четким научным подходом.

Научно-исследовательский институт АгроСинтез встретил меня привычным, глубоким и успокаивающим запахом. Здесь всегда пахло влажным торфом, озоном от бактерицидных ламп, старой бумагой и монументальной советской амбициозностью, которая с годами не выветрилась, а лишь крепче впиталась в облупившуюся штукатурку. Я решительно миновала длинный коридор и толкнула массивную дубовую дверь с табличкой «Директор».

Матрена Кормановна, женщина-крейсер с железной хваткой и габаритами небольшой орбитальной станции, сидела за своим огромным полированным столом. На ней был неизменный строгий костюм мышиного цвета, который странным образом лишь подчеркивал ее пугающую начальственную харизму. Матрена ритмично стучала по столешнице массивным золотым перстнем, параллельно отчитывая кого-то из Министерства сельского хозяйства по стационарному телефону.

- ...И если вы мне до четверга не подпишете смету на тепловые пушки, я вам лично эти пушки в кабинет привезу и включу на максимальный обогрев! Всё, конец связи! - она с грохотом бросила трубку на рычаг, поправила выбившуюся прядь жестких волос и перевела тяжелый взгляд на меня. - Лобова? Ты чего такая... подозрительно хрустящая? Выглядишь так, будто собралась Нобелевскую премию получать. Или убивать.

- Второе предпочтительнее, Матрена Кормановна, - я подошла к столу и опустила на жесткий деревянный стул. - Моя личная экосистема дала сбой. Биологический мусор отказывается покидать ареал обитания.

Я сухим, академическим тоном, без единой слезинки и дрожи в голосе, выложила ей утреннюю диспозицию. Про Пипеткову, про фиктивную Сызрань, про замороженные пельмени и про то, как Леонид решил прикрыться жилищным кодексом, нагло оккупировав диван в гостиной.

Матрена слушала меня молча. Она не стала охать, тянуться за корвалолом или предлагать мне поплакать на ее необъятном плече. В суровом мире большой агрономии сантименты всегда считались непозволительной роскошью. Вместо этого директор кряхтя поднялась, подошла к тяжелому огнеупорному сейфу, где обычно хранились секретные чертежи новых гибридных теплиц, и с лязгом повернула ключ.

На свет божий была извлечена покрытая благородной серой пылью пузатая бутылка армянского коньяка тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Следом на столе появились две лабораторные мензурки из химически чистого стекла с мерными делениями.

- Пей, - скомандовала она, щедро плеснув густой янтарной жидкости в мензурки.

Я послушно сделала глоток. Алкоголь обжег горло стремительным огненным шаром. У него был глубокий, сложный вкус старого жженого дуба, горьковатой ванили, давно ушедшей эпохи и кристально чистого прагматизма. Внутри груди мгновенно разлилось приятное, тяжелое тепло, вытесняя остатки утренней нервозности.

- Мужик, который изменил, но не уходит с насиженного места - это не трагедия, Варя, - Матрена утерла губы тыльной стороной ладони, сверкнув золотом. - Это обыкновенный сорняк-захребетник. Вьюнок полевой. Эгоист вульгарис. А как мы в институте боремся с сорняком, если его нельзя просто выполоть гербицидами по закону?

- Лишаем питательной среды? - предположила я, чувствуя, как коньяк приятно проясняет мысли.

- Именно! - Матрена от души хлопнула широкой ладонью по столу. - Сорняки не понимают хорошего отношения. Они понимают только конкуренцию за жизненные ресурсы. Мы выживаем его более агрессивной ботаникой! Лишаем света, пространства и зоны комфорта. Значит так, Лобова. В четвертом парнике у нас сейчас пикируется экспериментальная партия томатов сорта «Бычье сердце тропическое». Они раскидистые, жутко капризные и жрут влажность как не в себя. Забирай три десятка ящиков прямо сейчас. И пусть твой нежный офтальмолог попробует там выжить.

Через час институтский рабочий Михалыч на своей чихающей, пропахшей бензином и перегноем старенькой «Газели» уже парковался у моего подъезда. Кузов грузовичка был доверху забит тяжелыми деревянными лотками. Из них хищно топорщились толстые, мясистые волосатые стебли и огромные резные листья. Томаты этого сорта пахли не просто привычной огородной ботвой. Они источали густой, первобытный, почти животный аромат агрессивных пасленовых. Это был запах сырой, дикой, неприрученной земли, готовой поглотить любого, кто встанет у нее на пути.

Тридцать ящиков влажного грунта - это вам не дамская сумочка. В пятиэтажке без лифта это означало изнурительный марафон. Мы с кряхтящим Михалычем сделали пару десятков тяжелых ходок по лестнице, прежде чем перетасили весь этот зеленый арсенал на мой этаж. Моя белоснежная рубашка покрылась серыми пятнами пыли, под ногти забился влажный торф, мышцы ныли от непривычной тяжести, но мне было абсолютно плевать. Это была грязь творца, создающего свой новый, независимый мир.

Когда я открыла дверь квартиры своим ключом, Леонид всё еще находился в гостинной. Он сидел на краешке дивана, уныло глядя в выключенный телевизор. Услышав лязг замка, он подобрался, поправил воротник рубашки и гордо вскинул подбородок, явно ожидая, что я вернусь с извинениями, пакетом из аптеки и изысканным горячим обедом.

Его лицо нужно было видеть, когда вместо ароматного рататута в коридор вплыл плотный Михалыч с огромным деревянным ящиком в руках, из которого во все стороны торчали мохнатые зеленые щупальца рассады.

- Куда ставить-то, Варвара Николаевна? - густым басом поинтересовался водитель, тяжело дыша и совершенно не обращая внимания на остолбеневшего хозяина дома.

- Несите прямо в гостиную, Михалыч, - я скинула бежевый плащ и решительно закатала испачканные рукава рубашки. - Прямо на ковер. Возле журнального столика. Начинаем оккупацию.

- Варвара! Что происходит?! - взвизгнул Леня, вскакивая с дивана как ужаленный. Он попытался преградить путь, но Михалыч с грацией асфальтоукладчика просто отодвинул его плечом, водрузив тяжелый грязный лоток прямо на ворс нашего светлого бельгийского ковра. - Это что за грядки в моей квартире?!

Я не удостаивала его ответом. Я методично, с ледяным спокойствием терминатора, заносила лоток за лотком. Мы выстроили ящики на подоконниках, заставили ими телевизионную тумбу, заняли половину пола и возвели вокруг дивана Лени сплошную, непроходимую баррикаду из помидорной ботвы.

Воздух в гостинной отяжелел с пугающей скоростью. Резкий, терпкий запах томатных листьев и влажного перегноя вытеснил всё живое. Он агрессивно сожрал жалкие нотки Лениной аптечной ромашки, безжалостно растоптал остатки его парфюма и заполнил собой каждый кубический сантиметр пространства. В комнате стало пахнуть как в жерле амазонских джунглей за минуту до начала тропического ливня.

- Ты сошла с ума! - Леонид театрально закашлялся, размахивая руками перед лицом, словно отгоняя рой невидимых мошек. Жирная черная земля с листьев обильно сыпалась на

его домашние тапочки. - У меня аллергия! От этого жуткого запаха у меня раскалывается голова! Это моя законная половина квартиры, я вызову полицию и подам в суд за антисанитарию! Немедленно убери этот компост!

Михалыч, получив скромную, но заслуженную купюру за физическую помощь, тактично испарился, тихо прикрыв за собой входную дверь. Мы остались одни. Точнее, мы и тридцать ящиков жаждущей жизни, дышащей рассады.

Я спокойно подошла к хозяйственному шкафчику в коридоре, достала оттуда огромный помповый пульверизатор на два литра воды и невозмутимо накачала давление, ритмично двигая поршнем.

- Твоя половина, Леня, - мягко, вежливым тоном музейного экскурсовода согласилась я, подходя вплотную к дивану. - Никто не спорит с выпиской из Росреестра. Живи и радуйся. Но видишь ли, этот сорт требует строго специфических климатических условий.

Я нажала на пластиковый рычаг. Пульверизатор издал громкое, угрожающее шипение. Густое облако мелкой, ледяной водяной пыли вырвалось из сопла и тяжелой росой осело на широких листьях томатов. Часть этого бодрящего тумана совершенно случайно, но очень щедро прилетела прямо в опешившее лицо Леонида, заставив его судорожно заморгать и отшатнуться.

- Отныне гостиная объявляется карантинной зоной повышенной влажности, - чеканя каждое слово, произнесла я, продолжая распылять воду вокруг дивана. - Рекомендуемый микроклимат - восемьдесят процентов влажности и постоянное орошение. Если тебе вдруг станет сыро или задует от листвы, можешь укрыться своим колючим пледом с головой. И очень прошу, постарайся не дышать на мои помидоры своим негативом, у них от стресса могут опасть нежные завязи.

Леонид стоял посреди этого влажного, зеленого ада, мокрый, униженный и окончательно лишенный иллюзии контроля над ситуацией. Он открывал рот, пытаясь найти хоть один юридический или моральный аргумент против напора пульверизатора, но слова безнадежно застревали в его чувствительном горле.

Я не стала дожидаться, пока к нему вернется дар речи и способность генерировать новые жалобы. Закинув пульверизатор на плечо, словно победное охотничье ружье, я круто развернулась и зашагала на кухню. Мне нужно было срочно пересадить в новые просторные горшки фиолетовый базилик.

Я шла по коридору, тихо насвистывая какой-то бодрый мотивчик себе под нос, чувствуя себя абсолютно счастливой, цельной и свободной. Ледниковый период в нашей квартире официально завершился. Добро пожаловать в тропики, милый.

Глава 4. Инквизиция фитолампами

Запах дешевого, многократно пережаренного масла нагло ввалился на мою кухню. Он не просто пах - он заявлял о своих правах, как нетрезвый дальний родственник, приехавший погостить без приглашения и сразу стянувший грязную обувь в прихожей. Этот тяжелый, липкий дух фритюра мгновенно вытеснил тонкий аромат моего травяного чая и уютные нотки корицы, годами жившие в деревянных кухонных шкафчиках.

Леонид сидел за моим безупречно чистым обеденным столом и с мстительным видом разворачивал шуршащую, пропитанную желтым жиром бумагу. Мой почти бывший муж, потерпев фиаско с замороженными пельменями, решил взять меня измором и доказать свою тотальную гастрономическую независимость. На белоснежной тканевой скатерти, которую я стелила только по выходным, теперь возвышался кривобокий магазинный бургер, купленный в круглосуточной забегаловке за углом. Унылая, сплюснутая булка, бледный лист пластикового салата и серая котлета, чье происхождение вызывало в моем научном мозгу больше вопросов, чем вся эзотерическая диссертация Ляли Пипетковой. Бургер пах мокрым картоном, безысходностью и уязвленным мужским самолюбием.

- Приятного аппетита, - ровно произнесла я, доставая из холодильника свою порцию ужина.

Леонид впился зубами в резиновую булку. Он жевал с таким преувеличенным, театральным энтузиазмом, словно это была пища античных богов, а не спрессованная соя со вкусом жидкого дыма и глутамата натрия.

- Прекрасно! - с набитым ртом возвестил он, кроша на скатерть кунжутом. - Просто восхитительно. Организм сам знает, что ему нужно для восстановления энергии. Я всю жизнь давился твоей пресной травой на пару, а теперь чувствую настоящий прилив мужских сил!

Я ничего не ответила. Женщинам после сорока общество часто внушает, что нужно быть мудрее, нужно сглаживать острые углы и спасать брак, даже если об этот самый брак регулярно вытирают ноги в грязных ботинках. Но моя личная магия прагматизма больше не терпела пустых жертв.

Я поставила перед собой глубокую керамическую миску. В ней покоился мой фермерский салат, и это была настоящая симфония живой природы. Темно-зеленые, резные листья руколы источали дикую, перечную свежесть. Я добавила к ним увесистую горсть сладких желтых черри, похожих на капли застывшего августовского солнца, и щедро сбрызнула все это густым, тягучим бальзамическим кремом. Он ложился на овощи темными глянцевыми лентами, добавляя блюду зрелую, терпкую мудрость. Никакого компромисса. Только чистый, звенящий вкус жизни.

- Ты специально пытаешься выжить меня с моей же законной половины, - Леонид ткнул надкусанным бургером в мою сторону. От резкого жеста из булки плюхнулась капля дешевого соуса, оставив на скатерти жирное пятно. - Заставила всю комнату этими дурацкими горшками. Но я не сдамся.

Я наколола на вилку сочный помидорчик и с хрустом раскусила его. Сладкий сок брызнул на язык.

- Фритюр - отличный выбор, Леня, - я методично прожевала, глядя ему прямо в глаза. - Говорят, кипящее масло прекрасно консервирует остатки совести. Кстати, я думала, ты уже чистишь чакры на Бали. Что случилось? Муза улетела без своего генерального спонсора?

Леня поперхнулся сухой булкой, судорожно закашлялся. Его ухоженный солярийный загар пошел некрасивыми бордовыми пятнами.

- Поездка... перенесена! - выдавил он, стуча себя кулаком по груди. - Я не могу оставить свою недвижимость на растерзание сумасшедшей женщине с тяпкой! Мой долг - защитить совместно нажитое имущество! А на Бали сейчас... не сезон!

- Понятно. Не сезон для спонсорства, - я спокойно отставила миску, вытерла губы льняной салфеткой и вышла с кухни.

Спорить с эгоистичным сорняком бессмысленно. Ему нужно просто создать невыносимые климатические условия для вегетации.

В гостиной влажно дышали тридцать ящиков моих экспериментальных томатов сорта «Бычье сердце тропическое». Зеленая армия оккупировала подоконники, телевизионную тумбу и плотным кольцом сжала диван, на котором теперь вынужденно ютился Леонид. В воздухе висел тяжелый, первобытный дух сырого торфа. Но моим зеленым солдатам явно чего-то не хватало для полного триумфа.

Я критически осмотрела вытянувшиеся за день пушистые стебли. Осенние сумерки за окном были слишком серыми, слишком робкими для этих буйных южных генов. Рассаде категорически не хватало правильного светового спектра.

Достав из кладовки металлическую стремянку, набор отверток и три массивные промышленные фитолампы, которые я сегодня официально взяла под роспись у Матрены Кормановны, я принялась за работу. Эти тяжелые алюминиевые монстры с мощными радиаторами охлаждения были созданы специально для того, чтобы вытягивать жизнь из семян даже в условиях полярной ночи.

Монтаж занял около часа. Я методично вкручивала крюки в стены, тянула толстые черные провода по потолочному плинтусу. Первая лампа повисла прямо над телевизором. Вторую я закрепила над журнальным столиком, где Леонид устроил склад пустых стаканов. Третью стратегически разместила в коридоре, аккуратно так, чтобы ее лучи добивали до приоткрытой двери ванной комнаты.

Спустившись со стремянки, я отряхнула ладони и подошла к выключателю. Щелчок.

Привычная, бежевая, скучная квартира исчезла в ту же секунду. Пространство разорвалось на части, поглощенное густым, вибрирующим, агрессивно-фиолетовым сиянием. Спектральное смешение глубокого синего и пронзительного красного создавало эффект абсолютной сюрреалистичности. Гостиная мгновенно превратилась не то в марсианскую базу для выращивания клонов, не то во врата неоновой ада. Воздух наполнился тихим, монотонным электрическим гудением тяжелых трансформаторов. В этом свете резные листья томатов казались угольно-черными, а тени на обоях стали резкими и пугающими.

Из кухни выскочил Леонид. В одной руке он комкал пустой пакет от фастфуда, другой рефлекторно держался за вздувшийся живот.

Он замер на пороге гостиной. В inferнальном фиолетовом свете его искусственный загар претерпел чудовищную оптическую метаморфозу. Лицо статусного офтальмолога приобрело трупно-синюшный, откровенно баклажанный оттенок. Белки глаз пугающе засветились в полумраке, а легкая вечерняя небритость казалась грязными пятнами сажи.

- Варвара! - его баритон сорвался на возмущенный фальцет. - Это еще что за кислотная дискотека?!

Он судорожно вцепился обеими руками в дужки своих очков, словно дорогой пластик мог защитить его от спектрального насилия.

- Это не дискотека, Леня, - я невозмутимо сложила металлическую стремянку. - Это естественный процесс интенсивного фотосинтеза. Моей рассаде нужен красный спектр для развития корневой системы и синий - для набора зеленой массы. Чистая наука.

- Мне плевать на твою массу! - взвыл он, истерично зажмуриваясь и отворачиваясь к стене. - Ты окончательно сошла с ума! Этот химический цвет выжигает мне сетчатку! Я врач

высшей категории, я официально заявляю: это несовместимо с нормальным зрением! Выключи немедленно!

- Как ведущий селекционер, я официально заявляю, - мой голос звучал мягко, но в нем отчетливо лязгал хирургический металл, - что стресс губителен для нежных завязей. Им критически необходим свет. А если тебе режет глаза, можешь спать в солнцезащитных масках. Спокойной ночи.

Прошло два дня.

Моя карантинная зона работала с безжалостной эффективностью швейцарских часов. Фиолетовые лампы пульсировали ровно по четырнадцать часов в сутки, не давая пощады ни растениям, ни людям. Влажность в гостиной неумолимо держалась на отметке, близкой к сезону дождей в бассейне Амазонки.

А вот Леонид стремительно сдавал позиции. Его упрямые попытки питаться назло мне в дешевых забегаловках обернулись предсказуемой катастрофой для его тонко настроенного пищеварения. На краю журнального столика росла шаткая башня из картонных коробок от пиццы. Запах прогорклого пищевого мусора смешивался с густым ароматом влажного торфа, создавая в комнате атмосферу заброшенного привокзального ларька, который природа решила взять штурмом.

Утром субботы я застала на кухне нашу дочь Инну. Она сидела на широком подоконнике, закинув ногу на ногу. Ее короткие кислотно-зеленые волосы в свете пробивающихся из коридора фитоламп казались ядовито-фосфоресцирующими. В ушах торчали неизменные белые беспроводные наушники. Инна держала телефон обеими руками, сосредоточенно наводя камеру на щель в дверном проеме.

- Что делаешь? - спросила я. На мне была элегантная бежевая шелковая блузка и стильные прямые джинсы. Я готовилась поехать в НИИ проверить показания датчиков в теплицах, и мой внешний вид выражал абсолютную уверенность в завтрашнем дне.

- Снимаю эксклюзивный контент для своего канала, - Инна хищно усмехнулась, не отрывая взгляда от экрана смартфона. - Папа сейчас пытался побриться в ванной. В этом диком свете он вообще не отличает белую пену для бритья от собственного подбородка. А еще у него сильно дергается левый глаз. Выглядит очень концептуально. Как старый диско-шар на пенсии, у которого замкнуло проводку.

В этот момент на пороге кухни возник сам объект съемок.

Леонид выглядел так, словно только что вернулся из долгого плена в джунглях. Его некогда безупречный домашний костюм из тонкой шерсти помялся, отсырел и пропитался въедливым запахом удобрений. На подбородке красовались два кровавых клочка дешевой туалетной бумаги. Бордовые очки сидели на носу криво. Но самое страшное творилось с его глазом - веко действительно отбивало частую, неконтролируемую нервную чечетку.

- У меня жуткая изжога, - силло выдавил он, хватаясь свободной рукой за дверной косяк. В другой руке он судорожно сжимал злосчастный колючий плед с кистями, словно это был его последний щит. - Варвара. У меня горит весь пищевод. У меня тахикардия от этого пульсирующего света! Дай мне омепразол. И свари овсянку. Жидкую. На воде.

Я сделала маленький глоток обжигающего, горького эспresso. Кофеин приятной волной разошелся по венам, принося кристальную ясность мыслей.

- Аптечка находится в верхнем ящике комода, Леня, - я аккуратно поставила чашку на блюдце. Стук тонкого фарфора прозвучал в утренней тишине как выстрел. - А ресторан диетического питания закрыт. Попробуй заказать смузи из сельдерея. Ляля Пипеткова наверняка знает рецепт для успокоения пищевода.

- Ты бессердечная, - прошипел он, сглатывая горькую слюну. Тик-тик-тик - задергался его глаз. - Я не могу больше жить в этом фиолетовом дурдоме! Я задыхаюсь!

- Значит, нужно добавить немного свежести, - философски заметила я.

Я вышла в коридор и выкатила из кладовки тяжелый, похожий на маленькую турбину прибор. Промышленный ультразвуковой генератор холодного тумана. Я поставила его прямо на границе коридора и гостиной, размотала шнур и воткнула вилку в розетку.

Прибор утробно загудел. Из широкого пластикового сопла мгновенно вырвалась густая, плотная струя абсолютно белого, ледяного пара. Туман тяжелой волной обрушился на пол, стремительно расползаясь по бельгийскому ковру, окутывая ножки журнального столика и подбираясь к тапочкам окаменевшего Леонида. В сочетании с фиолетовым светом фитоламп зрелище было поистине апокалиптическим. Квартира окончательно превратилась в мистическое болото.

- Томатам нужна стопроцентная тропическая влажность для формирования завязей, - будничным тоном пояснила я, поправляя сумочку на плече. - Не забудь подвернуть штанины, Ленья, а то ревматизм замучает. И постарайся не заблудиться в тумане по дороге в туалет. Хорошего дня.

Я открыла входную дверь и шагнула на лестничную клетку, оставив своего бывшего мужа мариноваться в этом влажном, фиолетовом, пропахшем фастфудом и торфом чистилище. Процесс разрушения эгоистичного сорняка шел строго по графику. И, честно признаться, наблюдать за этим было чертовски приятно.

Глава 5. Желудок в изгнании (Леонид)

от лица Леонида

Ультразвуковой генератор шипел, как рассерженная анаконда, выплевывая в мой дом кубометры ледяной, мокрой безысходности. Белый, густой туман тяжело переваливался через порог коридора, полз по бельгийскому ковру и жадно облизывал мои дорогие домашние тапочки.

Я стоял посреди этого климатического безумия, вслушиваясь в звук закрывшейся за Варварой входной двери, и не мог поверить, что это происходит со мной. Со мной, Леонидом Лобовым. Врачом высшей категории. Человеком, чья роговица настолько чувствительна, что не выносит дешевого пластика, а пищевод требует исключительно паровой, трепетной заботы.

Мои статусные бордовые очки от Гуччи мгновенно запотели от стопроцентной влажности. Я снял их трясущимися руками и попытался протереть краем домашней шерстяной кофты, но кофта за эти дни пропиталась сыростью и запахом гниющего торфа. Воздух в моей собственной гостиной был таким плотным, что его можно было резать скальпелем. Пахло так, словно я внезапно очутился на дне пересохшего тропического болота, где тысячелетиями разлагались папоротники и надежды на нормальную жизнь.

Сквозь этот мерзкий туман пробивался инфернальный фиолетовый свет фитоламп. В его кислотных лучах моя кожа, еще недавно радовавшая глаз благородным бронзовым оттенком дорогого солярия, приобрела цвет залежалого баклажана. Я чувствовал, как от стресса и пульсирующего света у меня начинает мелко подергиваться левое веко. Тик-тик-тик. Моя нервная система, этот тончайший, хрупкий инструмент, давала катастрофический сбой.

- Ты похож на грустного водяного, которого выселили из пруда за неуплату ипотеки, - раздался насмешливый голос.

Я вздрогнул. Из белой пелены со стороны кухни вынырнула Инна. В ушах ее торчали эти вечные белые наушники, а на макушке фосфоресцировал в ультрафиолете кислотно-зеленый пучок волос, подозрительно гармонирующий с Вариной рассадой. Дочь невозмутимо перешагнула через струю пара, держа в руке телефон. Камера была направлена прямо на мое синюшное, помятое лицо.

- Прекрати снимать отца! - рявкнул я, но из-за влажного воздуха голос сорвался на жалкий, сиплый фальцет. Я откашлялся, чувствуя, как в груди скребет. - Имей уважение! Твоя мать сошла с ума. У нее тяжелый климактерический психоз. Она устроила здесь антисанитарный террор, а ты ей потакаешь!

Инна опустила телефон, достала из кармана худи огромное зеленое яблоко и с хрустом, от которого у меня мучительно заныли виски, откусила кусок.

- Дыши жабрами, пап, - философски посоветовала она, жуя. - Или езжай к своей Пипетке, пока тут ананасы не пустили корни в диван. А то у тебя уже глаз дергается в такт генератору.

Этот циничный подростковый хруст яблоком стал последней каплей. Я, человек науки, вынужден оправдываться перед неблагодарной девчонкой, стоя в луже конденсата!

Я сделал резкий, возмущенный шаг вперед, намереваясь прочитать ей лекцию о сыновнем долге и субординации. И в этот момент моя левая нога, обутая в шерстяной тапочек, наступила на влажную гранулу торфяного удобрения, заботливо просыпанного Варварой на ламинат.

Нога поехала вперед с грацией подстреленной утки. Я нелепо взмахнул руками, пытаюсь поймать равновесие, пальцы скользнули по мокрому обоям, и я со всего размаха въехал бедром в дверной косяк. Боль прострелила ногу от колена до поясницы.

Инна даже не дрогнула. Она просто сделала еще один укус. Хрусь.

Мое самолюбие, измученное ночевками на коротком диване, фиолетовым светом и фаст-фудом, лопнуло. Я понял, что гений не может и не должен выживать в компостной яме. Если Варвара думает, что я буду терпеть это агрономическое унижение, она глубоко ошибается. Я уйду. И вот тогда она поймет, кого потеряла. Она приползет на коленях, умоляя меня вернуться в стерильную чистоту и порядок, но будет поздно. Меня уже окутает своей молодой, искренней заботой Ляля. Моя муза, моя духовная спасительница.

Я решительно, прихрамывая на ушибленную ногу, направился в угол коридора. Там, покрываясь легкой испариной, стоял мой большой кожаный чемодан. Тот самый, который Варя с пугающей педантичностью собрала в первый же день.

Я не стал переодевать свой влажный, пахнущий землей шерстяной костюм. У меня просто не было сил искать сухие вещи в недрах шкафов, которые теперь охраняли хищные кусты томатов. Я накинул поверх домашней одежды свое лучшее итальянское кашемировое пальто. Ощущение было мерзким - словно я надел смокинг на мокрую половую тряпку, - но статус требовал жертв. Всунул ноги в кожаные ботинки, даже не зашнуровав их до конца.

- Передай матери, - я схватился за телескопическую ручку чемодана и гордо вздернул подбородок, стараясь не морщиться от боли в бедре. - Что она сама разрушила наше счастье своими кастрюлями, горшками и маниакальным упрямством. Я уйду туда, где меня ценят как мужчину и профессионала. Туда, где живут вибрации любви, а не этот сельскохозяйственный ГУЛАГ. Мой адвокат с ней свяжется.

Инна посмотрела на меня пустым, скучающим взглядом.

- Ага. Не забудь шапку надеть, вибратор ты наш. На улице дождь.

Я с силой дернул на себя входную дверь, выкатил чемодан на лестничную клетку и захлопнул створку так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Я ожидал, что по ту сторону раздадутся шаги, крик, может быть, даже плач дочери, осознавшей трагедию разрушенной семьи. Но ответом мне была лишь глухая тишина, сквозь которую едва слышно пробивалось монотонное шипение парогенератора. Варина броня оказалась непробиваемой.

Ничего. Отсутствие эмпатии у бывшей жены с лихвой компенсирует моя новая жизнь.

В такси меня немного растрясло. Желудок, сожженный вчерашним пережаренным магазинным бургером, ныл и требовал обволакивающей, теплой пищи. Перед глазами навязчиво всплывал образ Вариной фермерской курицы, томящейся в прозрачном бульоне с крошечными каплями янтарного жира и веточкой тимьяна. Я судорожно сглотнул горькую слюну. Ляля, конечно, не кулинар мишленовского уровня, но ради любимого мужчины, совершившего ради нее такой подвиг, она наверняка расстарается. Сварит легкий супчик. Прижмет мою больную голову к своей высокой упругой груди. Включит мягкий, теплый свет без этой фиолетовой радиации.

Я расплатился с таксистом и вошел в подъезд новостройки, где Ляля снимала студию. Поднимаясь на лифте, я предвкушал запах ванили, чистого белья и сладких женских духов. Тот самый аромат молодости, который должен был стереть из моей памяти запах торфа.

Я нажал на кнопку звонка. За дверью что-то с грохотом упало, раздался писк, и через минуту створка распахнулась.

Вместо аромата ванили на меня обрушился акустический и обонятельный удар такой силы, что я рефлекторно отшатнулся. Из колонки надрывно, на максимальных басах, заунывно пели тибетские монахи. Воздух в квартире был тяжелым, сизым и пах так, словно здесь подожгли старый стог сена, предварительно облив его дешевым мужским одеколоном.

Это были благовония «Пачули». Причем, судя по плотности дыма, Ляля зажгла сразу весь веник. Сквозь этот удушливый эзотерический смрад предательски пробивался запах прокисшей пиццы и кошачьего наполнителя, хотя животных у нее отродясь не было.

Ляля возникла на пороге в обтягивающих леопардовых лосинах и ультракоротком топе. На лице у нее была размазана какая-то зеленая глиняная маска, делающая ее похожей на бойца спецназа в джунглях. В одной руке она держала дымящуюся ароматическую палочку, а в другой - телефон с включенной кольцевой вспышкой.

- Ой, Ленечка! А ты с чемоданом? - она ничуть не удивилась моему помятому виду и даже не подумала забрать у меня вещи или обнять. Вместо этого она мгновенно перевела камеру на нас двоих и защебетала своим фирменным гнусавым голосом: - Девочки, мои осознанные! Вы только посмотрите! Мой папик выбрал путь просветления и переехал ко мне! Теперь мы будем вместе чистить наше пространство от негативных привязок! Ставим реакции, записываемся на марафон принятия!

Она чмокнула меня в щеку, мазнув холодной зеленой глиной, и упорхнула вглубь студии, продолжая вещать в экран смартфона.

Я стоял на пороге, прижимая к себе чемодан, и с ужасом сканировал свою новую обитель. Квартира-студия представляла собой зону боевых действий эпохи потребления. На стульях, креслах и даже на спинке кровати висели горы неглаженной одежды. Повсюду валялись розовые картонные коробки от доставок, пустые пластиковые стаканы из-под кофе с потеками сиропа и какие-то мутные кристаллы горного хрусталя, покрытые толстым слоем пыли.

Стерильная, маниакальная чистота Вариной квартиры, где даже пылинки летали строго по утвержденному графику, показалась мне сейчас недостижимым раем. Я осторожно снял кашемировое пальто, стараясь не запачкать его об липкий пуфик в прихожей, и прошел в комнату.

- Лялечка, - я потер пульсирующие виски, стараясь перекричать тибетских монахов. - Убавь, пожалуйста, музыку. У меня была тяжелейшая ночь. У меня стресс, тахикардия и обострение гастрита. Я ужасно голоден. Мне бы... супчика. Легкого. На куриной грудке. Чтобы желудок успокоить.

Ляля замерла посреди комнаты, опустила телефон и посмотрела на меня так, словно я попросил ее расчленить единорога. Ее накаченные гиалуроновой кислотой губы сложились в брезгливую трубочку.

- Ленечка, какой суп? - она помахала в воздухе дымящейся палочкой, осыпав пепел прямо на ковер. - Огонь разрушает прану продуктов! Варка - это смерть для витаминов. Ты же врач, ты должен это понимать! Ты просишь у меня мертвую воду со вкусом трупа птицы. Это несет в себе вибрации боли и страдания!

Я открыл рот, чтобы объяснить ей анатомию пищеварения и пользу термической обработки для слизистой оболочки, но желудок издал такой громкий, жалобный стон, что слова застряли в горле.

- Но я приготовила нам ужин! - Ляля радостно хлопнула в ладоши, отбросив ароматическую палочку на какой-то поднос. - Настоящий супер-детокс для поднятия твоей мужской энергии и открытия корневой чакры. Иди на кухню!

Крошечная кухня-ниша была завалена немытой посудой. В раковине сиротливо кисла сковородка с присохшими остатками чего-то черного. Ляля ловко разгребла место на узком столе и торжественно поставила передо мной миску.

Не фарфоровую с золотой каемочкой. Не глубокую керамическую пиалу, подогретую перед подачей. Это был какой-то шершавый экологичный пластик вторичной переработки, на ощупь напоминающий спрессованный картон.

Я опустил взгляд в тарелку и почувствовал, как к горлу подкатывает паника.

Внутри колыхалась субстанция. Если бы колония болотных лягушек отложила икру в скисшее молоко, а потом сверху это щедро посыпали радиоактивным пеплом, получилось бы именно то, что сейчас лежало передо мной. Серо-зеленая, склизкая масса, источающая отчетливый запах тины, водорослей и глубокой, непроглядной безысходности.

- Это семена чиа, замоченные на сутки в миндальном молоке, - с гордостью пояснила моя муза, присаживаясь напротив и подпирая подбородок руками. - И двойная порция порошка спирулины для цвета. Это чистый хлорофилл, Ленечка. Он очистит твою печень от токсинов твоего прошлого брака. Ешь.

Она протянула мне деревянную эко-ложку, которая пахла опилками.

Я, профессор медицины, человек, привыкший к тому, что дорадо для него маринуют в масле первого отжима с веточкой тимьяна, смотрел на эту космическую слизь и не мог пошевелиться. Мой желудок, заподозрив неладное, сжался в тугую, пульсирующий от ужаса узел.

Но я не мог сдать назад. Я только что хлопнул дверью. Я только что заявил Инне, что иду туда, где меня ценят. Если я сейчас откажусь от этой болотной жижи, Ляля обвинит меня в низких вибрациях, и я останусь вообще без еды в квартире, пахнущей кошачьим лотком и пачули.

Я выдавил из себя жалкое подобие улыбки.

- Спасибо, милая. Это... выглядит очень инновационно.

Я зачерпнул деревянной ложкой дрожащую зеленую массу. Она потянулась за ложкой длинными, густыми соплями. Зажмурившись, чтобы не видеть этого кулинарного кошмара, я отправил чиа в рот и судорожно сглотнул, даже не пытаясь жевать.

Вкус был непередаваем. Словно я зачерпнул воды из застоявшегося пруда, пожевал старую газету и запил это мыльным раствором. Сквозь зеленую глину на моем лице, должно быть, проступила мертвенная бледность.

Ляля радостно пискнула. Она схватила с подоконника тяжелую бронзовую полусферу - ту самую поющую чашу, - подошла ко мне вплотную и с силой ударила по ней деревянной палочкой прямо над моим правым ухом.

Бонннг!

Глухой, вибрирующий металлический гул ввинтился мне в мозг, резонируя с болью в ушибленном бедре и кислотным пожаром, который мгновенно вспыхнул в пищеводе. Мой несчастный желудок, получивший порцию ледяной водорослевой слизи вместо теплого бульона, ответил жесточайшим, скручивающим спазмом. Меня согнуло пополам прямо над картонной миской.

- Чувствуешь? - Ляля продолжала ритмично водить палочкой по краю чаши, извлекая из нее зубодробительный вой. - Это твои чакры выравниваются! Отпускай старое, Ленечка! Отпускай!

Сквозь звон в ушах, удушливый запах благовоний и нарастающую тошноту, я с кристальной, пугающей ясностью осознал одну страшную вещь.

Тот монолитный, недоваренный ком дешевых «Студенческих» пельменей, который Варя швырнула мне на стол несколько дней назад, не был оскорблением. По сравнению с этим эзотерическим силосом, те ледяные пельмени были мишленовским шедевром. Пищей богов.

Но моя гордость была слишком велика. Я сидел, скрючившись на хлипком табурете, глотал зеленую слизь под удары тибетского гонга и понимал, что сам, добровольно захлопнул за собой дверь в рай. И пути назад, судя по ледяному тону моей бывшей жены, больше не было.

Глава 6. Сладкий запах свободы

- Двадцать лет брака, мам. А поместились в три черных мусорных мешка на сто двадцать литров, - философски констатировала Инна, туго затягивая желтые пластиковые уши пакета.
- И то, половину объема занял его дурацкий ортопедический валик для шеи.

Я стояла посреди коридора, опираясь на швабру, и с академическим интересом смотрела на плоды наших трудов. С момента триумфального отбытия Леонида в туманную эзотерическую даль к его юной музе прошло чуть больше часа, но наша трехкомнатная квартира уже начала стремительно менять свою геометрию и суть.

- Валик можешь не трамбовать, - я смахнула со лба влажную прядь, оставляя на коже легкий след от земли. - Пусть торчит. Это памятник ущемленному мужскому самолюбию. Будет отпугивать дворовых собак на помойке.

Мы с дочерью провели безжалостную, почти инквизиторскую зачистку территории. В первый мешок отправились растоптанные домашние тапочки Лени, хранившие в себе ДНК его вечной усталости и претензий. Во второй - батарея полупустых пузырьков с корвалолом, упаковки диетических отрубей, фитосборы для очищения кармической печени и прочий ипохондрический мусор, которым мой бывший муж годами оправдывал свою бытовую несостоятельность.

Но главной проблемой оставались тридцать ящиков томатной рассады, с помощью которых я выживала предателя с дивана.

- Берись за тот край, - скомандовала я Инне, подхватывая тяжелый деревянный лоток с мохнатыми кустами «Бычьего сердца». - Переносим джунгли на утепленную лоджию. Там как раз подходящий климат, и южная сторона. Мои помидоры заслужили курорт после того, как им пришлось три дня дышать Лениными жалобами на изжогу.

Мы потратили еще сорок минут, таская тяжелую сырую землю. Когда последний ящик занял свое место на балконе, превратив его в непроходимые зеленые заросли, я подошла к розетке и решительно выдернула шнур ультразвукового генератора тумана. Аппарат жалобно булькнул напоследок и затих. Затем я щелкнула выключателем, переводя фитолампы из режима inferнального баклажанового диска в мягкий, теплый спектр дневного света.

Квартира буквально, физически сделала глубокий вдох.

Инна распахнула створки окон настежь. Резкий, колющий осенний ветер ворвался в гостиную, безжалостно выдувая из углов въедливый, трусливый запах аптечной ромашки. Ему на смену пришел густой, честный аромат влажного торфа с балкона, смешанный с запахом озона и цитрусового средства для мытья стекол. Воздух стал прозрачным, звенящим. Он пах осязаемой, огромной пустотой, которую теперь предстояло заполнить мне самой.

- Ну все, биологическая угроза ликвидирована, - Инна поправила свой кислотно-зеленый пучок на макушке и пнула ближайший мешок с Лениным прошлым. - Я потащила это на мусорку. А ты иди на кухню. И только попробуй сварить свою унылую овсянку на воде, я тебя из дома выгоню. Сегодня мы празднуем независимость!

Дочь скрылась за входной дверью, пыхтя и волоча за собой пластиковые мешки с двадцатилетней историей нашего брака. А я действительно пошла на кухню.

Магия прагматизма требовала немедленного закрепления результата на физическом, клеточном уровне. Двадцать лет я обслуживала чужой чувствительный пищевод. Двадцать лет я вымеряла капли оливкового масла, срезала малейшие прожилки жира с фермерской птицы и варила овощи до состояния безопасной, безвольной кашицы.

Я открыла нижний ящик гарнитура, куда не заглядывала, кажется, целую вечность. Там, в самом темном углу, хранилась тяжеленная, доставшаяся мне еще от бабушки чугунная сковорода. Леня ее ненавидел. Он утверждал, что старый чугун выделяет канцерогены, портит

светлую ауру продуктов и вообще выглядит неэстетично по сравнению с его любимыми тефлоновыми сотейниками.

Я с глухим, торжественным стуком водрузила черный чугунок на плиту. Включила газ на максимум.

Сегодня в моем меню не было места компромиссам и диетическому унынию. Я достала из холодильника банку с домашней томатной пастой, несколько крупных яиц, жгучий красный перец и копченую паприку.

Когда масло на сковороде начало агрессивно потрескивать, пуская легкий сизый дымок, я бросила туда щедрую горсть крупно нарезанного чеснока. Кухня мгновенно наполнилась плотным, дерзким, абсолютно антисанитарным с точки зрения моего бывшего мужа ароматом. Чеснок шипел, отдавая кипящему маслу свою острую, первобытную душу. Следом на раскаленный металл плюхнулась томатная паста, заставив воздух взорваться густым красным паром.

Я готовила шакшуку. Злую, обжигающую, обильно присыпанную крупной морской солью и зирой. Я разбила яйца прямо в клокочущий томатный ад, с первобытным удовольствием наблюдая, как белок мгновенно сворачивается неровными белыми лепестками, а желток остается дрожащим и незащищенным.

Через десять минут я сидела за столом. Я не стала доставать подогретый фарфор с золотой каемочкой. Я поставила раскаленную, почерневшую от огня сковороду прямо на толстую деревянную подставку перед собой. Отрезала ломоть свежего, хрустящего хлеба и макнула его прямо в горячий желток, смешанный с огненным соусом.

Вкус ударил по рецепторам с силой курьерского поезда. Это было горячо,пряно, бесконечно далеко от диетической индейки и паровой рыбы. Острый перец обжег язык, заставив на глазах выступить слезы, но это были правильные слезы. Слезы пробуждения и кристальной ясности. Я жевала, чувствуя, как вместе с этой грубой, честной едой по венам разливается дикая, неприрученная свобода. Я больше не обслуживающий персонал для чужого желудка. Я - хозяйка собственного голода.

Следующее утро встретило Старо-Коренск промозглым ноябрьским дождем, но внутри меня все еще полыхал согревающий огонь вчерашней шакшуки. Я приехала в НИИ АгроСинтез за час до начала своей смены.

Кабинет директора Матрены Кормановны пах старой бумагой, дорогим кофе и монументальной советской решительностью, которая не выветривалась из этих стен десятилетиями. Женщина-крейсер сидела за своим исполинским полированным столом, ритмично постукивая по столешнице массивным золотым перстнем. Перед ней лежала пухлая серая папка с документами.

- Значит так, Лобова, - Матрена не стала тратить время на светские расшаркивания или вопросы о моем душевном здоровье. В большой агрономии сантименты не приживались. Она хлопнула широкой ладонью по папке, заставив пылинки в луче света испуганно метнуться в стороны. - Хватит разводить сырость в личной жизни. Переходим к наступлению по всем фронтам. Региональная агро-ярмарка переносится. У нас осталось ровно полторы недели до старта.

Я подобралась, садясь ровнее на жестком деревянном стуле.

- Полторы недели? Но мы планировали выставлять мой перец «Ледяное пламя» только к концу месяца. Плоды еще не набрали максимальную массу и цвет.

- Природа не ждет, Варя. И комиссия из Министерства сельского хозяйства тоже, - Матрена подалась вперед, ее голос снизился до доверительного, почти угрожающего рокота. - Слушай меня внимательно, девочка. На кону государственный грант. Крупнейший за последние пять лет. Это не просто новые фитолампы, промышленные насосы и субстраты для нашего института. Для тебя лично это вопрос финансового выживания.

Она откинулась на спинку скрипнувшего кресла и выразительно, тяжело посмотрела на мои руки.

- Твой бывший головоногий моллюск с дипломом врача, насколько я знаю наш Жилищный кодекс, имеет железобетонное право на половину вашей панельной коробки. Он сам оттуда добровольно не выпишется. Если ты возьмешь грант, институт выпишет тебе колоссальную премию как ведущему разработчику уникального сорта. И тогда ты просто швырнешь эти деньги ему в его наглую морду, выкупишь его долю по рыночной стоимости и навсегда закроешь этот геморройный вопрос. Ты оградишь свою территорию высоким финансовым забором. Поняла меня?

Я посмотрела на свои руки, лежащие на коленях. Коротко остриженные ногти, сухая кутикула, в которую намертво, словно природный пигмент, въелась земля из моих экспериментальных теплиц. Раньше я стеснялась этих рук. Я прятала их под стол, мазала дорогими жирными кремами, чтобы соответствовать ухоженным, пахнущим медицинским антисептиком пальцам Леонида.

А сейчас я вдруг отчетливо осознала, что это руки настоящего творца. Руки женщины, которая умеет создавать сложную, пульсирующую жизнь из крошечного сухого семечка.

- Поняла, Матрена Кормановна, - мой голос прозвучал ровно и твердо, без единой лишней вибрации. - Мы порвем эту выставку. Я подготовлю выставочные образцы в лучшем виде.

- Вот это другой разговор! - директриса удовлетворенно кивнула, сверкнув золотым зубом. - Иди в свои джунгли. И чтобы каждый твой куст блестел так, словно его только что отполировали барсучьим жиром! Иначе я лично пушу твою рассаду на салат!

Остаток дня я провела в своей любимой закрытой карантинной теплице номер четыре.

Здесь царил мой личный, выверенный до градуса и процента микроклимат. Воздух был густым, как патока, влажным, наполненным первобытной, древней магией плодородия. Я медленно шла между ровными рядами высоких, мощных кустов моего экспериментального сорта.

Это было не просто растение. Это был мой многолетний манифест. Я годами скрещивала, отбраковывала, высчитывала сложнейшие формулы калийных удобрений, чтобы получить этот гибрид. Сладкий, мясистый болгарский перец, способный переносить первые, самые жестокие и внезапные осенние заморозки. Он впитывал холод из почвы и воздуха, но не погибал, как остальные изнеженные тепличные сорта. Он лишь становился более хрустящим, концентрируя внутри себя кристаллизованный сахар и звериную жизненную силу. Прямо как я сама.

Я остановилась возле самого крупного, раскидистого куста. Осторожно, кончиками голых пальцев коснулась плотного, кожистого темно-зеленого листа. Растение словно отозвалось едва уловимой, теплой вибрацией. Это не те фальшивые эзотерические вибрации от поющих чаш, о которых щебетала в свой телефон глупая Пипеткова. Это был реальный, осязаемый пульс биологической жизни, безостановочный ток древесного сока по зеленым капиллярам.

На нижнем ярусе куста, почти у самой влажной земли, висел потрясающей красоты плод. Он был тяжелым, глянцевым, налитым густым, глубоким рубиновым цветом. Казалось, внутри его глянцевой кожицы застыл жидкий огонь, который только и ждет подходящего момента, чтобы вспыхнуть и осветить все вокруг.

Я бережно обхватила перец ладонью. Ощутила его прохладную, упругую, обнадеживающую тяжесть.

Двадцать лет я вкладывала свою женскую энергию, свое время и заботу в черную дыру чужого инфантильного эгоизма. Я была просто удобной, питательной почвой, на которой комфортно паразитировал самовлюбленный сорняк в брендовых очках. Но теперь сорняк вырван с корнем и выброшен на мороз. А плодородная почва осталась. И ее ресурс оказался невероятно богат.

- Мы им покажем, мой хороший, - тихо, в самую макушку зеленого куста прошептала я, поглаживая рубиновый бок перца. - Мы с тобой выдержим любой минус. И заберем этот грант. Никто больше не посмеет диктовать нам условия.

Где-то высоко под стеклянной крышей теплицы монотонно гудел промышленный вентилятор, разгоняя влажный, тяжелый воздух. Я стояла совершенно одна среди ровных рядов своей наливающейся соком зеленой армии, по локоть в земле. И внутри меня, стремительно отвоеывая пространство у долгой, искусственной зимы, распускалась абсолютная, кристально чистая уверенность в собственной непобедимости.

Глава 7. Крестовый поход свекрови

- Ты всегда была бесчувственной, холодной колодой, Варвара, но чтобы выгнать родного мужа на мороз из-за какой-то глупой девки с пупком наружу?!

Голос Лидии Захаровны обладал феноменальной проникающей способностью. Если бы наш научно-исследовательский институт догадался использовать частоту ее возмущенного сопрано для отпугивания колорадского жука, мы бы давно озолотились на государственном патенте и не нуждались ни в каких грантах.

Свекровь ввалилась в мою прихожую совершенно без предупреждения в понедельник во второй половине дня. Она виртуозно воспользовалась тем коротким промежутком времени, когда я еще не успела защелкнуть собачку замка после возвращения Инны из школы. Вместе с этой грузной, монументальной женщиной в прозрачный, очищенный от присутствия Леонида воздух моей квартиры ворвалось густое, физически осязаемое облако нафталина, застарелого аптечного корвалола и агрессивного материнского мученичества.

Мои обонятельные рецепторы, тонко настроенные на ароматы свежего базилика и влажного торфа, немедленно забили тревогу. Ситуация пахла как внезапная атака паутинного клеща на совершенно здоровую, мирную рассаду.

Инна, только что стянувшая в коридоре влажные от осенней слякоти кроссовки, мгновенно оценила масштаб надвигающегося стихийного бедствия. Она ловко натянула капюшон своего необъятного черного худи по самые глаза, поправила в ушах неизменные белые наушники и с грацией испуганной лани скрылась в своей комнате. Тихо, но очень надежно шелкнул шпингалет. Оставлять подростка на линии огня Лидии Захаровны было бы преступлением против базовой гуманности.

Я как раз прервалась от заполнения плотных картонных бирок для выставочных образцов, которые принесла сегодня из лаборатории. До региональной агро-ярмарки оставались считанные дни, и мой экспериментальный перец требовал идеальной бумажной родословной.

- Лидия Захаровна, добрый день. Обувь можете не снимать, ковры мы уже свернули, - абсолютно спокойно произнесла я, аккуратно перекрывая колпачком черный маркер.

Но свекровь меня совершенно не слушала. Она по-хозяйски, тяжело чеканя шаг, маршировала напрямик в гостиную. Лидия Захаровна явно ожидала увидеть там классическую, приятную ее материнскому сердцу картину поверженного женского достоинства: заплаканную брошенку, горы немытой посуды, раскиданные бумажные платочки и, возможно, небольшой покаянный алтарь из Лениных юношеских фотографий.

Вместо этого она резко затормозила посреди комнаты, недоуменно хлопая густо накрашенными ресницами.

Гостиная сияла клинической, пугающей чистотой. Короткий диван, на котором еще в субботу страдал ее драгоценный сын, был идеально заправлен. От Лениного ортопедического валика для шеи и колючего пледа не осталось и следа. Над телевизионной тумбой сиротливо висела выключенная днем массивная промышленная фитолампа с алюминиевым радиатором.

- Где вещи моего сына?! - пронзительно взвизгнула свекровь, переводя дикий взгляд с пустого дивана на утепленную лоджию за стеклянной дверью.

Там, на балконе, куда мы с Инной перетащили тридцать тяжелых ящиков, буйным цветом колосились непроходимые субтропические заросли моего элитного «Бычьего сердца». Толстые, мохнатые зеленые стебли томатов угрожающе прижимались к стеклу, словно хищники в террариуме, готовые в любой момент захватить остальную жилплощадь.

- Ты что, выжила моего мальчика в эти свои жуткие парники?! - Лидия Захаровна в ужасе прижала руки к необъятной груди, обтянутой тяжелым драповым пальто.

Она судорожно потрясла в воздухе зажатый в кулаке смартфоном. Экран гаджета призывно и тревожно светился.

- Ленечка только что мне звонил! - трагично, с театральным надрывом возвестила она. - У него предынфарктное состояние! У ребенка страшная резь в желудке! Эта твоя... духовная наставница в леопардовых штанах кормит его какой-то скользкой болотной жижей из водорослей! Он там умирает от истощения, пока ты тут джунгли разводишь!

- Ленечке сорок четыре годика, - сухо напомнила я, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к дверному косяку.

Я смотрела на багровеющую свекровь исключительно как на любопытный биологический вид. Никакой привычной вины, никакого трепета хорошей девочки. Магия прагматизма работала безотказно, замораживая любые попытки внешнего эмоционального давления.

- И его предынфарктное состояние - это банальная, закономерная изжога от недоваренных семян чиа, Лидия Захаровна.

- Ты должна немедленно поехать и забрать его! - свекровь остервенело топнула ногой. - Привезти домой! Извиниться за свой психоз! Сварить ему нормальный, прозрачный куриный бульон! Он гениальный врач, Варя! Интеллектуал! Ему для нормального функционирования нужен комфорт и уют!

Она перевела дух, словно готовясь зачитать выдержку из древней священной книги, написанной специально для угнетения невесток.

- А мужчины... ну что мужчины, они же полигамны от природы. У них стресс на работе. Мудрая женщина обязана это понимать, терпеть и направлять энергию в нужное русло. Конечно, он пошел искать ласку на стороне, раз дома жена ходит с землей под ногтями и тяпкой вместо маникюра! Ты сама виновата, что распустила мужика!

Я слушала этот бессвязный поток заученных поколенческих манипуляций и вдруг очень ярко, до физического спазма на корне языка, вспомнила вкус ее фирменного малинового варенья.

Лидия Захаровна торжественно привозила нам по три огромные стеклянные банки каждую зиму. Это варенье всегда, неизменно, слегка горчило на нёбе. Долгие годы я наивно полагала, что это просто специфика какого-то особого дачного сорта малины, и послушно давилась им за вечерним чаем, рассыпаясь в благодарностях.

А теперь я с кристальной, пугающей ясностью поняла суть рецепта. Свекровь просто добавляла в кипящий сироп экстракт собственного, глубоко укоренившегося разочарования в мужчинах и в жизни вообще. Она варила его часами, стоя у жаркой плиты, бережно сохраняя эту токсичную горечь, чтобы потом щедро кормить этим сладким ядом покорную невестку. Она приучала меня к мысли, что страдать и глотать обиды - это абсолютно нормальная женская доля.

Но мой желудок больше не принимал эту отраву.

- Пройдемте на кухню, Лидия Захаровна, - я вежливо, как экскурсовод в музее средневековых пыточных инструментов, указала рукой направление. - Выпьем горячего. Вы явно переутомились с дороги.

Свекровь победно вздернула подбородок. Ага, сработало. Она была абсолютно уверена, что невестка наконец-то сломалась, одумалась и сейчас будет плакать в жилетку, суетливо собирать контейнеры с горячей едой и просить прощения за свой бунт. Она гордо прошествовала за стол и уселась на мой любимый стул, тяжело сложив пухлые руки в ожидании привычного сервиса.

Я поставила чайник на плиту. Дождалась звонкого щелчка. Но с верхней полки кухонного гарнитура я достала не красивую жестяную банку с привычным цейлонским чаем. И не бумажные пакетики с трусливой, успокаивающей аптечной ромашкой, которую так любил ее сын. Я

взяла плотный крафтовый пакет с особым травяным сбором, который кропотливо составляла сама еще в начале осени.

Крутой кипяток с агрессивным шипением ударил в сухие, измельченные корешки, мгновенно окрашивая воду в кружку в густой, темный, почти дегтярный цвет. По чистой, светлой кухне поплыл резкий, землистый, абсолютно бескомпромиссный запах дикой, неприрученной природы.

- Угощайтесь, - я придвинула к ней по столешнице дымящуюся тяжелую керамическую кружку. Никакого подогретого фарфора с золотой каемочкой сегодня не предвиделось.

Лидия Захаровна сделала внушительный, покровительственный глоток.

Ее выцветшие глаза мгновенно округлились до размеров небольших чайных блюдец. Она судорожно закашлялась, прикрывая рот ладонью, а ее пухлое лицо начало стремительно приобретать нездоровый оттенок перезрелой баклажанной кожуры.

- Что... что это за мерзкая отравка?! - прохрипела она, отплевываясь. Она отодвинула кружку от себя так резко, что темные капли брызнули на идеальную поверхность стола. - Ты решила меня со свету сжить?!

- Это крепкий отвар из корня одуванчика, - я невозмутимо оперлась обеими руками о столешницу, чуть подавшись вперед и глядя прямо в ее слезящиеся глаза. - Абсолютно натуральный, фермерский продукт. Феноменально выводит избыток желчи из организма. А ее у вас сейчас, судя по интонациям, просто критический переизбыток.

Свекровь захватала ртом воздух, словно крупный прудовой карп, выброшенный рыбаком на горячий песок.

- Ваша власть в этой квартире закончилась в тот самый день, когда ваш драгоценный Леня съел магазинные пельмени по акции, Лидия Захаровна, - мой голос звучал ровно, как гудение трансформаторной будки. - Гнилое яблоко не станет свежим, даже если вы положите его на самую чистую скатерть. Ваш сын не гениальный мальчик. Он обыкновенный сорняк-паразит. Эгоист вульгарис. Вы бережно вырастили его в искусственных тепличных условиях, а я по непростительной глупости поддерживала этот вредный микроклимат целых двадцать лет. Но теперь мои агротехнические планы радикально изменились.

Я сделала небольшую паузу, наслаждаясь густой, звенящей тишиной, которая повисла на кухне.

- Если вашему Ленечке сейчас холодно и голодно - пусть греется о поющие чаши своей юной нимфы. Забирать я его не собираюсь. И варить диетические бульоны - тоже. Пусть его теперь лечит вселенская карма. Ну, или активированный уголь из аптеки за углом.

Маска благообразной, всепрощающей матери-мученицы слетела с лица Лидии Захаровны со скоростью оторвавшегося на ветру сухого осеннего листа. Инструмент эмоционального шантажа не сработал. Сломанный механизм подчинения выдал сноп искр и окончательно перегорел.

Она резко вскочила со стула. Полы ее драпового пальто угрожающе взметнулись.

- Ты еще горько пожалеешь об этом, дрянь неблагодарная! - зашипела она, брызгая слюной. - Думаешь, выставила мужика, захватила жилплощадь и будешь тут единоличной царицей со своими дурацкими кустами?! Мой сын своего не упустит! Мы найдем самых лучших адвокатов в городе! Мы отсудим у тебя половину этой квартиры и все твои драгоценные грядки! Ты пойдешь на улицу с голым задом, помани мое слово!

Я абсолютно спокойно выслушала эту предсказуемую тираду. Ни один мускул на моем лице не дрогнул. Угрозы судом звучали громко, но сейчас они казались мне просто бессмысленным шумом холодного ветра за окном.

Я молча развернулась, вышла в коридор и невозмутимо сняла с крючка ее старый коричневый зонт-трость.

- На улице собирается противный дождь, - я вежливо протянула ей зонтик, когда она, тяжело и гневно ступая, вышла следом за мной в прихожую. - Осторожнее на мокрых ступенях, Лидия Захаровна. Юридические издержки нынче слишком дороги, берегите шейку бедра.

Свекровь выхватила зонт из моих рук, смерила меня полным ядовитой, неприкрытой ненависти взглядом и выскочила на лестничную клетку, словно ошпаренная. Сухо, окончательно щелкнул замок входной двери.

Я не стала в изнеможении сползать по стене. Не стала трясущимися руками пить воду или вытирать холодный пот со лба, как делают раскаявшиеся героини дешевых мелодрам.

Я просто подошла к окну в гостиной и распахнула створку настежь, позволяя влажному, колючему воздуху выдуть из моей квартиры последние, жалкие молекулы нафталина и чужого диктата. Воздух снова стал кристально чистым, свежим и принадлежащим только мне.

Затем я вернулась к столу. Взяла оставленный черный маркер, пододвинула к себе картонный прямоугольник и твердым, уверенным почерком вывела:

«Экспонат номер один. Сорт "Ледяное пламя". Абсолютная устойчивость к заморозкам и любым внешним вредителям».

Я бережно прикрепила бирку к пластиковому контейнеру с самым крупным, налитым густым рубиновым соком перцем, который принесла сегодня с работы. Мой личный крестовый поход против токсичного прошлого был успешно завершен. Впереди меня ждала долгожданная агро-ярмарка, и я была к ней абсолютно, безоговорочно готова.

Глава 8. Катарсис на агро-ярмарке

Любая региональная сельскохозяйственная выставка - это всегда ярмарка человеческого тщеславия, щедро приправленная запахом аммиачной селитры. Размер выращенного кабачка здесь почему-то считается прямым отражением интеллекта агронома, а в спертom воздухе местного Дома культуры традиционно витает густой аромат подковерных интриг и намертво въевшейся в портьеры советской пыли. Под высоким потолком с облупившейся гипсовой лепниной эхом разносится гул сотен голосов, обсуждающих урожайность кормовой брюквы так жарко, словно от этого напрямую зависит судьба человечества.

Я стояла за своим выставочным стендом в строгом, но безупречно скроенном жакете глубокого хвойного оттенка. Еще пару недель назад я бы не задумываясь натянула безликий серый кардиган, чтобы слиться с шершавыми стенами и не отсвечивать, но сейчас эта плотная ткань ощущалась на мне как надежная кевларовая броня. На белоснежной скатерти, словно настоящие рубины на бархатной ювелирной витрине, лежали они. Мои идеальные перцы экспериментального сорта «Ледяное пламя». Глянцевые, невероятно тяжелые, налитые густым соком и той самой дикой, первобытной силой, способной пережить любые заморозки.

Рядом, ритмично постукивая массивными золотыми перстнями по пластиковому бейджику, возвышалась моя начальница Матрена Кормановна. Она сканировала соседние стенды конкурентов тяжелым, оценивающим взглядом, словно прикидывая, кого первого пустить на компост.

- Ты только посмотри на этих клоунов из соседнего района, - пробасила она, кивая подбородком в сторону стенда с гигантской, но явно водянистой тыквой. - Раздули овощ на гидропонике до размеров дирижабля и стоят, радуются. А вкуса там ноль. Трава травой.

- Идут, - тихо прервала я ее глубокий агрономический анализ.

По центральному проходу, лениво переваливаясь, двигалась комиссия из Министерства сельского хозяйства. Трое грузных мужчин с одинаково скучающими лицами людей, которые предпочли бы сейчас находиться в сауне, а не среди бесконечной рассады. Компанию им составлял местный агроном-скептик в мятом горчичном пиджаке. Они остановились у нашего стенда, снисходительно разглядывая мои рубиновые шедевры, словно делая одолжение самой природе фактом своего присутствия.

Агроном брезгливо ткнул дешевой пластиковой ручкой в сторону моего самого крупного выставочного образца.

- Ну, тут все предельно понятно, - скривился он, поправляя сползающие на нос очки. - Слишком глянцевая шкурка. Это же голая химия, коллеги. Внутри одна вода и нитраты. Плавали, знаем. Натурпродукт таким идеальным не бывает, его обязательно жучок должен прогрызть. Для естественности.

Раньше я бы густо покраснела до самых корней волос. Начала бы суетливо перебирать стопку бумажек с результатами многосложных лабораторных тестов, оправдываться и сбивчиво бормотать что-то про экологически чистые органические подкормки. Но та удобная, забитая Варвара осталась где-то в прошлом, между замороженными пельменями и чемоданом предавшего мужа.

- Жучок, уважаемый коллега, грызет исключительно то, что не способно защитить себя на генетическом уровне, - мой голос прозвучал ровно и прохладно, с идеальной академической артикуляцией. - А этот гибрид синтезирует уникальные природные фитонциды, которые отпугивают любых вредителей. И если ваша концепция натурального земледелия базируется только на объединенной ботве, гнили и страданиях растения, то мне вас искренне жаль. Вы можете ознакомиться с протоколами спектрального анализа. Вон в той красной папке. Там нитратов намного меньше, чем здравого смысла в вашем безапелляционном утверждении.

Матрена Кормановна на заднем фоне издала звук, подозрительно похожий на сдерживаемое восхищенное хрюканье. Чиновник с ручкой мгновенно побагровел, открыв рот для гневной тирады. Как посмела какая-то женщина в строгом жакете учить его агрономии?

Но ответить он не успел.

В душную, спертую атмосферу зала, насквозь пропахшего растворимым кофе из буфета и влажной землей, внезапно ворвался совершенно чужеродный запах. Плотный, густой, почти осязаемый.

Пахло жженым дубовым поленом. Копченой сладкой паприкой. Свежим, только что растертым в пальцах розмарином и абсолютной, непробиваемой мужской уверенностью.

Толпа зевак у нашего стенда как-то сама собой дрогнула и почтительно расступилась, словно Красное море перед Моисеем. Появившийся мужчина совершенно не вписывался в этот унылый провинциальный бюрократический пейзаж. Огромный, широкоплечий, с руками профессионального лесоруба и легкой благородной проседью в густых темных волосах. На нем была простая черная футболка, идеально сидящая под расстегнутым пиджаком стиля кэжуал. Никаких унылых галстуков или выглаженных стрелок на брюках.

Он полностью, абсолютно проигнорировал надутых членов комиссии, словно это были просто назойливые осенние мухи. Его тяжелый, цепкий, темный взгляд сфокусировался исключительно на моих рубиновых перцах.

- Эй, мужчина, вы куда? Выставочные образцы руками трогать категорически запрещено!
- пискнул кто-то из свиты проверяющих, тщательно пытаясь загородить стол.

Незнакомец даже не повернул головы в его сторону. Он просто протянул свою огромную ручищу, взял с бархатной подложки мой лучший, самый крупный, кропотливо выпестованный перец и поднес его ко рту.

Комиссия возмущенно ахнула единым хором. Нарушение регламента! Уничтожение государственного экспоната!

А мужчина просто откусил огромный кусок прямо так. В сыром виде.

ХРУСТ!

Этот громоподобный, сочный, влажный звук, казалось, эхом отразился от высокого потолка Дома культуры, заставив мгновенно замолчать соседние стенды. Во все стороны брызнул сладкий рубиновый сок. Одна липкая капля упала мужчине на подбородок, но он не обратил на это ни малейшего внимания.

Он замер. Медленно прикрыл глаза. Его могучая грудная клетка глубоко поднялась и опустилась. Воздух вокруг нас сгустился, словно мы присутствовали при какой-то древней, первобытной алхимии вкуса. Он жевал медленно, сосредоточенно, вдумчиво, позволяя своим рецепторам считать каждую ноту кристаллизованного растительного сахара и дикой природной свежести.

Затем он резко открыл глаза. В них полыхал совершенно неистовый, творческий огонь.

- Господа, - его раскатистый баритон заставил чиновников инстинктивно вздрогнуть и отступить на шаг назад. Он обвел толпу тяжелым, презрительным взглядом. - Все, что я жевал на этой вашей унылой ярмарке до сих пор - это силос. Пресный, бездарный корм для депрессивных свиней. А вот это...

Он потряс надкусанным перцем в воздухе прямо перед носом побледневшего скептика в горчичном пиджаке.

- Это Священный Грааль хруста. Это абсолютный, мать его, триумф ботаники.

А затем он посмотрел на меня.

Я словно намертво приросла к линолеуму выставочного зала. Мой бывший муж Леонид всю жизнь истерично требовал перетирать ему еду в диетическое пюре. Он до смерти боялся лишний раз поработать челюстями, маниакально выковыривал микроскопические жесткие прожилки из паровых котлет и бесконечно жаловался на чувствительные десны.

А этот гигант только что с первобытным наслаждением, с невероятным гастрономическим аппетитом сожрал сырой овощ и теперь смотрел на меня так, что по позвоночнику побежала россыпь горячих мурашек.

Но главное - он смотрел не на мой новый жакет. Его внимательный взгляд опустился на мои руки, лежащие на столе. На пальцы с коротко остриженными ногтями, в сухую кутикулу которых, словно татуировка, въелась земля из экспериментальных теплиц.

Леня этих рабочих рук всю жизнь брезгливо стеснялся. А этот мужчина смотрел на них с искренним благоговением. Он видел во мне не обслуживающий персонал. Не удобную домашнюю кухарку. Он смотрел на меня как на равного Творца. Как на богиню плодородия, сотворившую для него настоящее чудо.

Он шагнул вплотную к стенду, легко и небрежно оттеснив плечом возмущенного агронома.

- Я Афанасий Бродский, - рокочущим голосом представился он и властно протянул мне широко ладонь.

Я машинально, словно под гипнозом, вложила свою руку в его. Его ладонь оказалась обжигающе горячей, сильной и приятно мозолистой. Разительный, невероятный контраст с вечно холодными, потными, вялыми пальцами офтальмолога Лобова.

Моя кожа мгновенно впитала тепло его руки и этот дурманивший запах копченой паприки. Внутри меня, где-то глубоко в районе солнечного сплетения, сладко и тревожно стянулся тугой узел.

- А вы - гений, - констатировал Афанасий, не выпуская моих испачканных землей пальцев. - И вы немедленно идете со мной, Варвара.

- Куда? - только и смогла выдохнуть я, чувствуя, как привычный академический мир уходит из-под ног.

- Этому городу срочно нужно поговорить о высоком гастрономическом искусстве. А здесь невыносимо воняет растворимым суррогатом и чиновничьей скукой. Идемте.

Глава 9. Контракт со вкусом эспresso

Двадцать лет я считала свои перепачканные землей пальцы досадным недоразумением. Дефектом, который нужно тщательно прятать от эстетического взора мужа под стол или замазывать на ночь толстым слоем жирного крема. А сейчас меня тащили сквозь гудящую толпу за эту самую руку так бережно и крепко, словно я была редким, только что выкопанным корнем мандрагоры, приносящим сказочную удачу.

Афанасий Бродский двигался сквозь ряды агро-ярмарки с грацией и неотвратимостью ледокола. Чиновники из Министерства сельского хозяйства возмущенно запыхтели нам вслед, но путь им технично отрезала Матрена Кормановна. Наша директриса мгновенно почуяла запах больших денег и коммерческого успеха, поэтому заблокировала проход своей монументальной грудью, начав громко и безапелляционно вещать о правилах температурного режима для выставочных образцов.

Мы выскочили из пропахшего старым паркетом и нафталином Дома культуры на свежий, колючий ноябрьский воздух. Я впервые за долгое время просто шла ведомая. Меня не просили подать носовой платок, не требовали проверить состав капель для глаз и не заставляли мерить температуру. Меня просто уверенно уводили из эпицентра бюрократической скуки.

- Сюда, - скомандовал Афанасий, толкая тяжелую стеклянную дверь заведения через дорогу.

Это была пафосная городская гастро-кофейня с претенциозным названием «Зерно и смысл». Оплот местных хипстеров, где помимо модного кофе подавали сложную авторскую кухню. Внутри царил полумрак, голые кирпичные стены пытались казаться лофтом, а за стойкой стоял тощий бариста с татуировками на шее и таким высокомерным выражением лица, словно он лично изобрел кофеин.

Бродский, занимающий своей фактурой добрую половину свободного пространства у стойки, заказал два двойных эспresso. Бариста с надменным вздохом начал священнодействовать над блестящей хромированной машиной.

Когда крошечные чашки опустились на деревянную стойку, Афанасий взял свою, принюхался и сделал один микроскопический глоток.

Его густые брови сурово сошлись на переносице. Если бы мой бывший муж Леня получил напиток, который его не устроил, он бы закатил нудную, тягучую часовую лекцию о том, что вода недостаточно теплая для его чувствительной слизистой желудка. Леня ныл бы так, что мне хотелось бы провалиться сквозь землю от стыда.

Но Афанасий не ныл. Он возмущался исключительно ради высокого искусства.

- Это что? - его раскатистый баритон заставил баристу нервно дернуть кадыком. - Юноша, вы пропустили эти несчастные зерна через фильтр экзистенциальной безысходности?

- Это стопроцентная арабика светлой обжарки, мытая Эфиопия... - попытался пискнуть татуированный ценитель.

- Это жидкая депрессия, - припечатал Бродский, отодвигая чашку с таким видом, словно в ней плавал головастик. - Вы убили вкус. Вы совершили гастрономическое преступление против арабики, лишив ее огня и плотности. Это не кофе, это вода, в которой помыли кофейник.

Я не сгорала от стыда. Наоборот, я завороченно наблюдала за мужчиной, для которого вкус напитка был не поводом для ипохондрии, а настоящей религией. В его гневе была честность, от которой по моей спине пробежала теплая дрожь.

Афанасий развернулся ко мне, мгновенно переключаясь с режима инквизитора на деловой тон.

- Оставим эту подкрашенную воду. Слушайте меня внимательно, Варвара, - он оперся локтем о стойку, глядя мне прямо в глаза. - Я строю ресторан. Называется «Корни». В зда-

нии бывшей котельной. У меня там открытый огонь, дикое мясо, фермерские сыры. Никакой молекулярной пены и компромиссов. И мне нужна звезда для сезонного меню.

Он сделал паузу, словно взвешивая слова.

- Ваш перец - это золото. Я хочу эксклюзивный контракт на поставку гибрида «Ледяное пламя» из ваших теплиц. Только для моего ресторана.

В моей голове с громким щелчком включился тумблер магического прагматизма. Шестеренки закрутились с невероятной скоростью.

Контракт с модным, агрессивно развивающимся столичным ресторатором означал гарантированное внимание прессы. Внимание прессы стопроцентно конвертировалось в получение того самого государственного гранта от Министерства, перед которым так плясала Матрена. Грант означал колоссальную премию для меня как для разработчика. А премия - это живые, осязаемые деньги, которыми я смогу заткнуть жадную пасть Лени, выкупив его законную половину нашей квартиры.

Формула выживания паразита с моей жилплощади только что сложилась в идеальное уравнение.

- Я согласна, - абсолютно спокойно ответила я, поправляя лацкан своего хвойного жакета. Никакого кокетства. Чистая сделка двух творцов. - Мой перец выдержит ваше дикое мясо.

Афанасий хищно, довольно улыбнулся. А затем сделал то, чего со мной не случилось последние двадцать лет.

К нашему столику подошел официант с меню. Бродский не стал поворачиваться ко мне с унылым вопросом: «Что будешь, салатик?». Он не стал высчитывать калории или спрашивать об аллергиях. Он просто вырвал картонную папку из рук растерянного парня.

- Значит так, - скомандовал Афанасий официанту. - Перед вами сидит гений агрономии. Ей нужно топливо для великих свершений, а не ваш унылый руккольный силос. Несите томленую говяжью щеку с печеными кореньями и перечным соусом. И чтобы соус был густым, как смола.

Я сидела, приоткрыв рот от шока.

Годами, десятилетиями я вываривала фермерскую индейку до состояния безвольной, серой кашицы. Я высчитывала граммы жира, я до смерти боялась добавить в суп лишнюю крупицу черного перца или, боже упаси, каплю лимонного сока, чтобы не потревожить мифический гастрит моего мужа. Я была кухонным автоматом, настроенным на режим диетического уныния.

А сейчас огромный, пахнущий костром и уверенностью мужчина напротив меня просто взял и принял ответственность за мой аппетит. Он сам решил меня накормить.

Блюдо принесли через двадцать минут. Никаких клише про бабочек в животе и слезы умиления. Передо мной на тяжелой керамической тарелке лежал внушительный кусок темного, исходящего паром мяса в блестящей луже густого соуса. Блюдо пахло розмарином, жгучими специями и первобытным голодом.

Я взяла нож и вилку. Отрезала кусок. Положила в рот.

Мне впервые за много лет пришлось с усилием работать челюстями. Это была грубая, честная текстура волокон мяса, острая, обжигающая сладость соуса и настоящий жар специй. Это блюдо не щадило ничьи нежные слизистые оболочки. Оно требовало уважения к себе и к тому, кто его ест.

Я жевала, чувствуя, как по венам расходится горячая, пульсирующая волна. Огонь перца приятно обжигал язык, заставляя кровь бежать быстрее. И в этот самый момент, вместе с глоткомпряного, дикого мяса, я окончательно проглотила остатки своей двадцатилетней удобной покорности.

Я больше никогда не буду варить трусливые диетические бульоны для тех, кто этого не заслуживает. Ужин обслуживающего персонала официально окончен.

Глава 10. Сводки с гастрономического фронта

После двадцати лет добровольного диетического рабства вкус грубого, дикого мяса ощущается как первобытный грех. И, боже мой, как же мне нравилось грешить.

Я переступила порог своей квартиры, чувствуя, как внутри, по венам, до сих пор перекатывается горячая, пульсирующая волна от того невероятного ужина с Афанасием Бродским. Мой строгий, безупречно скроенный хвойный жакет впитал в себя запахи жженого дуба, копченой паприки и абсолютной, непробиваемой мужской уверенности. Этот дерзкий, тяжелый аромат хищно вторгся на территорию моей прихожей, где уже неделю безраздельно властвовал густой, сырой дух торфа от переехавших на балкон томатов.

Я стянула туфли, прислушиваясь к своим ощущениям. Впервые за два десятилетия в груди не было привычной, противно сосущей пустоты от необходимости немедленно бежать на кухню, проверять температуру паровой индейки, мыть посуду и угадывать мимолетное настроение чужого капризного желудка. Я была сытой. Я была признанной. У меня в сумочке лежал проект экзистенциально важного контракта на поставку овощей, а на губах все еще чувствовалась острая, обжигающая сладость перечного соуса. Магия прагматизма наконец-то принесла свои самые сочные плоды.

- Мам, от тебя пахнет костром и неприличным коммерческим успехом, - раздался из полумрака коридора насмешливый голос.

Инна возникла в дверном проеме кухни, как зеленовласый партизан. На макушке флуоресцировал ее фирменный кислотный пучок, а в ушах торчали неизменные белые беспроводные наушники. Дочь подозрительно прищурилась, сканируя мое лицо с дотошностью въедливого таможенного инспектора.

- Ты точно была на агро-ярмарке? - уточнила она, скрестив руки на груди. - А то у тебя такой вид, будто ты только что ограбила караван со специями на Шелковом пути, а потом удачно сбыла награбленное местным контрабандистам. Румянец какой-то подозрительный. Нездоровый для женщины, которая должна тихо скорбеть по разрушенной ячейке общества.

Я аккуратно повесила жакет на плечики, разглаживая плотную ткань, и почувствовала, как губы сами растягиваются в довольной, расслабленной улыбке.

- Почти угадала, мой юный детектив. Я только что договорилась об эксклюзивном контракте с самым пафосным строящимся рестораном города. Мой гибрид «Ледяное пламя» станет звездой их нового сезонного меню. И да, меня накормили огромным куском настоящего, дикого мяса. Представляешь, без единого слова про холестерин, отложение солей или тяжесть в правом боку.

Инна уважительно присвистнула, качнув головой.

- Столичный ресторатор - это крайне перспективно. Всяко лучше, чем унылый офтальмолог с поехавшей кукушкой и манией величия. Ну, раз у тебя сегодня день триумфов, присаживайся, маман. У меня тоже есть сенсация. Сейчас будут сводки с гастрономического фронта.

Мы устроились за нашим широким кухонным столом. Я щелкнула выключателем, наполнив пространство мягким теплым светом, навсегда изгнав из памяти тот пасмурный вечер, когда именно на этом месте остывали предательские замороженные пельмени. Инна положила перед собой смартфон, по-хакерски потеряла ладони и хищно улыбнулась.

- Знакомься, - она торжественно ткнула пальцем в светящийся экран. - Анонимный канал «Хроники развода». Я веду его уже неделю, чисто ради социального эксперимента и восстановления кармической справедливости. Оказывается, у Пипетки полностью открытый аккаунт, и она транслирует свою духовную пустоту в режиме двадцать четыре на семь. А я просто умею читать между строк ее эзотерического бреда. Мои немногочисленные, но преданные подписчики в восторге от этого реалити-шоу.

Я скептически приподняла бровь. Шпионить за бывшим мужем в мои планы не входило, но остановить подростка, поймавшего кураж, было невозможно.

- Значит так, слушай внимательно, - Инна начала зачитывать текст с выражением профессионального диктора новостей. - Попытка юной музы-эзотерички приготовить своему папику горячий, исцеляющий обед обернулась катастрофой локального масштаба. Ляля решила сварить суп. Но поскольку чистить овощи ножом - это слишком низкие вибрации, нарушающие целостность ауры продукта, она бросила огромную луковицу прямо в шелухе в кипящее миндальное молоко. Хотела, так сказать, максимально раскрыть ее корневую чакру.

- Господи помилуй, - я невольно прикрыла глаза рукой, живо представив эту жуткую кулинарную алхимию. Бедный, несчастный желудок Леонида, годами привыкавший к прозрачным куриным бульонам и нежной рыбе, должен был в этот момент объявить бессрочную забастовку.

- Наверное, Ляля искренне ожидала, что немытая луковица в кипятке немедленно достигнет нирваны и сама по себе превратится во французский крем-суп, но овощ оказался стойким атеистом и просто завонял, - фыркнула Инна. - Но о, это еще цветочки! Чтобы очистить пространство кухни от негативной энергии кипения, Ляля зажгла пучок сухого шалфея. И уронила его прямо на синтетическое полотенце. Чуть не спалила всю студию. Папик, по словам инсайдеров, орал так, что у соседей за стеной собака заикаться начала.

Инна выразительно, с явным садистским наслаждением посмотрела на меня.

- Наш изгнанник питается бумажными сосисками из круглосуточного ларька и запивает их дешевым энергетиком, потому что натуральный кофе Пипетка считает напитком темных сил, засоряющим третий глаз.

Я слушала дочь и понимала, что реальность превзошла любую, самую изощренную месь, которую я могла бы придумать. Леня, человек, который с маниакальной дотошностью заставлял меня выковыривать микроскопические, почти невидимые прожилки из паровых котлет, сейчас давился дешевой соей, жидким дымом и глутаматом натрия.

- Но главный кармический бумеранг прилетел именно сегодня вечером, - Инна заговорила понизила голос, пододвигая телефон ближе ко мне. - Смотри. Это скриншот из ее последней прямой трансляции. Никаких шпионов, просто Пипетка забыла настроить фокус камеры.

Я послушно склонилась над экраном. На переднем плане Ляля с густой маской из зеленой глины на лице, делающей ее похожей на бойца спецназа, застрявшего в радиоактивном болоте, вещала что-то проникновенное про ретроградный Меркурий. А вот задний фон, пусть и слегка размытый, кричал о настоящей человеческой трагедии.

На краешке дешевого дерматинового пуфика сидел мой бывший муж. Скрючившись в позу эмбриона, он обеими руками отчаянно держался за живот. Успешный офтальмолог, долгие годы глубокомысленно изучавший чужие глазные дна, теперь на практике изучал дно собственного пищеварительного тракта. От его благородного, выпестованного солярийного загара не осталось и следа - лицо приобрело землистый, болезненный оттенок, а знаменитые статусные очки криво сползли на самый кончик носа.

Но самое интересное находилось на журнальном столике прямо перед ним.

Среди пустых картонных стаканчиков из-под кофе, розовых коробок и мутных кристаллов горного хрусталя лежала до боли знакомая желто-красная пачка. Та самая. Вскрытая упаковка акционных пельменей «Студенческие». Бюджет юной музы явно не выдержал ежедневных доставок, и она отправилась в ближайший супермаркет за тем, на что хватило денег.

- Она варит ему пельмени, - благоговейно, почти торжественно прошептала Инна, ткнув пальцем в экран. - Те самые, которыми ты его выгнала. Потому что на нормальную еду у нее нет ни денег, ни таланта. Круг замкнулся, маман. Хтонический пельмень настиг свою жертву.

Я долго, очень долго смотрела на этот мутный цифровой снимок. Двадцать лет я тряслась над этим человеком. Еще недавно его предательский уход к молодой любовнице казался мне концом света, крушением всех жизненных основ, катастрофой, требующей валерьянки и бессонных ночей.

Сейчас, глядя на его скрюченную, жалкую фигуру, я ждала, что внутри меня шевельнется та самая привычная, вбитая обществом глупая женская жалость. Что мне захочется сорваться с места, вызвать такси, привезти ему спасительный омегапрагмол, сварить правильную, слизистую овсянку на воде и погладить по лысеющей голове.

Но внутри было абсолютно тихо, легко и кристально чисто. Ощущение было таким, словно из моей груди наконец-то вытащили тяжелый, пыльный мешок с камнями, который я добровольно таскала два десятилетия.

Тишина на нашей кухне нарушилась странным, фыркающим звуком. Это был смехок. Он вырвался из моего горла совершенно неконтролируемо, сам по себе.

- Мам? - Инна настороженно посмотрела на меня, видимо, опасаясь истерики.

Я закрыла лицо руками, но мои плечи уже мелко тряслись. Смех поднимался откуда-то из самой глубины живота, стремительно сметая на своем пути жалкие остатки былых обид, горечи, страхов и сомнений. Сначала тихий, он за секунду перерос в искренний, раскатистый, безудержный хохот. Я смеялась до выступивших слез. Над полным абсурдом ситуации, над ледяными пельменями возмездия, над лопнувшим пузырьком Лениной медицинской исключительности.

Инна облегченно фыркнула и тоже засмеялась в голос. Мы хохотали вдвоем на нашей светлой, пахнущей моими травами кухне, утирая слезы салфетками, и этот совместный смех был лучше любой самой дорогой психотерапии. Это было окончательное, бесповоротное освобождение от прошлого.

Отсмеявшись, я почувствовала себя невероятно бодрой. Во мне бурлила кипучая, созидательная энергия творца. Я не пошла в спальню. Вместо этого я вышла на утепленную лоджию, где под мягким, правильным светом фитоламп мирно дремали мои зеленые субтропические джунгли. Воздух здесь был тяжелым, влажным, живым и пахнущим надеждой.

Я взяла с подоконника тяжелый помповый пульверизатор. Накачала давление и нажала на пластиковый рычаг, выпуская густое облако освежающей водяной пыли на широкие, мохнатые темно-зеленые листья томатов.

- Растите, мои хорошие, набирайтесь сил, - тихо сказала я, улыбаясь своему персональному царству плодородия. - Кажется, этой осенью жестокие заморозки ударят только по тем, кто забыл надеть теплую шапку и вовремя сварить пельмени.

Я стояла среди зелени, вслушиваясь в мерный гул города за окном, и чувствовала себя абсолютно счастливой, даже не подозревая, что у вселенной на завтрашнее промозглое утро припасен для меня еще один, совершенно не смешной юридический сюрприз.

Глава 11. Подлый удар в спину

У плохих новостей всегда совершенно особый, дребезжащий тембр.

Домофон хрипло закашлялся на всю прихожую именно в тот момент, когда я ювелирно, почти хирургически отсекала секатором лишние пасынки у томатов на утепленной лоджии. Зеленые джунгли моего экспериментального сорта дышали влагой, отзываясь на каждое мое движение щедрым, первобытным ароматом сырой земли и созревающей жизни. Я чувствовала себя абсолютно всесильной. Женщиной, которая не просто пережила предательство, но и пустила новые, крепкие корни.

Резкий звук заставил меня вздрогнуть. Лезвия секатора щелкнули в миллиметре от здорового стебля.

Я вышла в коридор, вытирая испачканные торфом руки о влажную тряпку, и сняла трубку.

- Курьерская доставка, - буркнул равнодушный металлический голос. - Заказное, лично в руки Лобовой Варваре Николаевне.

Через минуту на моем пороге переминался с ноги на ногу промокший под осенней моросью парень. Он протянул мне планшет для подписи и жесткий, пухлый конверт из плотной крафтовой бумаги. Я расписалась, оставив на бланке едва заметный темный след от земли, и закрыла дверь.

Конверт был легким, но в руках ощущался как кусок свинца. От него исходил отчетливый, агрессивный дух канцелярской бездушности. Он пах дешевым типографским клеем, принтерной краской и тем сухим, стерильным формализмом, в котором нет места ничему живому. Этот запах мгновенно вступил в химический конфликт с уютным ароматом моего дома - запахом утреннего кофе, свежего базилика и влажного торфа. Воздух в прихожей неуловимо потяжелел, словно перед кислотным дождем.

Я прошла на кухню, бросила конверт на стол и достала из ящика острый кухонный нож. Вжик. Бумага неохотно поддалась, обнажая стопку белоснежных, хрустящих листов.

Шапка документа гласила: «Досудебная претензия». Ниже красовался логотип дорогой юридической конторы в центре Старо-Коренска. Той самой, услуги которой стоили как половина моей годовой зарплаты в НИИ АгроСинтез.

Я опустила на стул, машинально отодвинув от себя чашку с недопитым эспрессо, и начала читать.

Магия прагматизма, так надежно защищавшая меня все эти недели, дала трещину уже на втором абзаце.

Адвокат Леонида, судя по тексту, обладал фантазией, достойной авторов дешевых фантастических романов. Сухим, беспощадным языком юриспруденции он выстроил конструкцию потрясающей, эталонной наглости. Суть сводилась к одному: поскольку уникальный гибрид сладкого перца «Ледяное пламя» разрабатывался в период законного брака, истец претендует на полноправное соавторство, а сам патент является совместно нажитым интеллектуальным имуществом.

Мои глаза скользили по строчкам, отказываясь верить в этот ледяной абсурд.

«...Истец Лобов Л.А. на протяжении всего периода научных изысканий ответчицы обеспечивал надежный семейный тыл, создавал необходимый психоэмоциональный комфорт и софинансировал совместный быт, что являлось существенным творческим вкладом и неотъемлемым условием для успешной селекционной работы...»

Я моргнула. Надежный семейный тыл? Психоэмоциональный комфорт?

Мои двадцать лет добровольного кухонного рабства. Мои бессонные ночи, когда я вымеряла миллиграммы калийных удобрений. Мои бесконечные попытки сварить фермерскую

индейку до состояния безвольной серой кашицы, чтобы не потревожить мифический гастрит мужа. Мой страх добавить лишнюю крупицу соли. И теперь этот человек, чьим единственным вкладом в ботанику было брезгливое ковыряние вилкой в паровой моркови, юридически оформлял свои съеденные диетические котлеты как «инвестиции в науку»?

Телефон на столе коротко, зло завибрировал.

На экране высветилось сообщение от Леонида. В нем не было ни капли юридического лоска или сдержанности. Это была сырая, уязвленная желчь самца, лишённого зоны комфорта и взбешенного чужим успехом.

«Ну что, получила? - гласили черные буквы на светлом экране. - До меня дошли слухи, что ты там прохлаждаешься на ярмарках и пьешь кофе с каким-то московским поваром. Думала, вышвырнула меня на улицу и победила? Ошибаешься, Варя. Я свое не отдам. Либо ты сегодня же подписываешь отказ от своей доли в квартире и переоформляешь жилье на меня, либо завтра мои юристы подают в суд ходатайство. Мы наложим обеспечительный арест на все твои патенты и селекционные разработки. Увидимся на улице».

Я медленно положила телефон экраном вниз.

Арест патента. Эти два слова пульсировали в висках, перекрывая гул холодильника.

Леонид прекрасно знал, куда бить. Судебный арест интеллектуальной собственности означает полную заморозку любой коммерческой деятельности. Это крест на эксклюзивном контракте с Афанасием Бродским. Ресторан «Корни» не сможет легально закупать мой перец для своего меню. И самое страшное - это стопроцентный, гарантированный отказ в государственном гранте от Министерства сельского хозяйства. Ни один чиновник не даст государственные миллионы на сорт, находящийся в судебных тяжбах.

Матрена Кормановна за такое просто сотрет меня в порошок. Она лично пустит меня на компост за срыв финансирования института.

Мой бывший муж, не способный сварить себе даже сосиску без причитаний, одним росчерком пера адвоката уничтожал все, ради чего я жила.

Дверь на кухню скрипнула. На пороге появилась Инна. На ней была объемная серая толстовка, неизменные белые наушники болтались на шее, а кислотно-зеленый пучок волос торчал на макушке, как боевой плюмаж.

Она собиралась заварить себе чай перед школой, но, увидев мое лицо, замерла.

- Мам? Ты чего такая... прозрачная? На тебе лица нет.

Я не нашла в себе сил произнести ни слова. Просто молча пододвинула к краю стола распечатанные листы претензии.

Инна подошла ближе. Ее глаза быстро забегали по строчкам. С каждой секундой брови подростка ползли все выше, а губы сжимались в тонкую, злую линию. Дочитав до конца, она с силой швырнула бумаги обратно на столешницу.

- Вот же конченный урод! - выплонула Инна, совершенно не стесняясь в выражениях. - Психоэмоциональный комфорт он создавал?! Да он высасывал из нас энергию мощнее любого промышленного насоса! Он же просто шантажирует тебя, мам! Этот слизняк мстит за то, что Пипетка кормит его помоями, а ты посмела быть счастливой!

Она бросилась ко мне, обхватила за плечи, прижимаясь всем своим угловатым, горячим телом.

- Мамочка, не сдавайся. Мы что-нибудь придумаем. Мы найдем другого адвоката. Мы порвем его на британский флаг!

Я механически погладила ее по спине. Мои пальцы были холодными как лед.

Я не плакала. У меня внутри вообще не осталось слез. Вместо этого пришла жуткая, парализующая физическая реакция. Мне казалось, что кто-то подошел ко мне сзади с огромной, ржавой лопатой и с размаху перерубил мой главный стержневой корень. Тот самый, который только-только начал впитывать живительную влагу свободы.

Моя зеленая империя, гордость за новый выносливый сорт, сладкое предвкушение партнерства с Афанасием, его горячий, восхищенный взгляд на мои руки - все это повисло на гнилом волоске юридического шантажа.

Квартира, заставленная тяжелыми ящиками с томатами, еще утром казавшаяся мне уютным раем, вдруг превратилась в тесную, стеклянную банку. Из этой банки стремительно выкачивали кислород. Запах торфа стал невыносимо душным, давящим на легкие.

Мне нужно было бежать. Спасаться от этого удушья.

- Иннусь, - мой голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. Я мягко отстранила дочь и встала из-за стола, машинально скомкав и зажав в кулаке злосчастные листы. - Все хорошо. Мне просто... мне нужно пять минут, чтобы подышать. Ладно? Просто подышать воздухом.

На ватных, непослушных ногах я вышла в прихожую. Схватила с крючка свой любимый бежевый плащ и накинула его прямо поверх домашней трикотажной кофты и мягких штанов. Сбросила домашнюю обувь, всунула босые ноги в осенние полуботинки.

- Мам, на улице дубак! - крикнула мне вслед Инна.

Но я уже щелкнула замком.

Гудящие бетонные ступени подъезда казались бесконечными. Я спускалась вниз, цепляясь свободной рукой за холодные деревянные перила. В голове не было ни одного плана, ни одной стратегии. Только гулкий вакуум и осознание того, что всю свою жизнь я была доверчивой дурой, не защитившей собственные границы.

Я толкнула тяжелую металлическую дверь подъезда.

В лицо немедленно ударил резкий, промозглый ноябрьский ветер. Моросил мелкий, противный дождь, оседая на коже ледяной пылью. Но мне не было холодно. Тот мороз, который сейчас сковал мои внутренности, был гораздо страшнее любой осенней непогоды.

У самого подъезда стояла старая деревянная скамейка, с которой местами облупилась коричневая краска. Я подошла к ней и тяжело опустилась на мокрые доски, не заботясь о том, что безвозвратно испачкаю плащ.

В правой руке, сама не зная почему, я все еще судорожно сжимала измятые листы той самой досудебной претензии.

Вокруг шумел город. Где-то гудели машины, по лужам спешили редкие прохожие под зонтами. Старо-Коренск жил своей обычной утренней жизнью, совершенно равнодушный к тому, что в эту самую минуту мою судьбу пытаются закатать в асфальт.

Я сидела, сторбившись, глядя на мокрый, усыпанный прелыми желтыми листьями тротуар под ногами. Знаменитый сорт «Ледяное пламя» был выведен специально для того, чтобы выживать при самых жестоких заморозках. Но сейчас я не знала, хватит ли мне самой сил пережить эту зиму.

Глава 12. Дьявол кроется в патентах

Пятнадцать граммов. Я сидела на мокрой, местами облупившейся деревянной скамейке у подъезда и бездумно, словно сломанные весы, взвешивала на ладони скомканные листы бумаги.

Ровно пятнадцать граммов весили двадцать лет моей жизни. Тысячи безупречно выглаженных рубашек, галлоны прозрачного диетического бульона, сваренного с хирургической точностью, бессонные ночи над сложнейшими формулами калийных подкормок и вся моя научная гордость - все это теперь уместалось в три листа дешевой, пористой офсетной бумаги. Адвокат Леонида умудрился спрессовать мою судьбу в сухой, безжалостный юридический абсурд.

Оказывается, то, что я годами молча обслуживала капризный желудок мужа и ходила на цыпочках, пока он спал после своих «изматывающих» смен в частной клинике, на языке юриспруденции называлось красивыми, тяжеловесными терминами. «Софинансирование совместного быта» и «создание психоэмоционального комфорта для научных изысканий ответчицы».

Я горько, надрывно усмехнулась, глядя на мокрый асфальт, усыпанный прелыми, гниющими листьями тополя. Вспомнился тот самый вечер, когда я впервые поняла, что мой гибрид «Ледяное пламя» стабилен и готов к первым заморозкам. Я тогда вернулась из лаборатории НИИ совершенно окрыленная, с горящими глазами, готовая поделиться своим триумфом. А мой «надежный семейный тыл» в бордовых очках от Гуччи встретил меня раздраженным шипением, потому что я слишком громко хлопнула входной дверью и сбила ему ауру расслабления перед телевизором. Я праздновала свой научный прорыв молча, заперевшись на кухне с чашкой остывшего чая, чтобы не тревожить его чувствительную нервную систему. И теперь он нанял стряпчего, чтобы юридически оформить эту самую тишину как свой выдающийся вклад в мировую ботанику.

Мелкий, колючий ноябрьский дождь оседал на моем бежевом плаще, накинутом в спешке прямо поверх домашней трикотажной кофты. Голые ступни в осенних полуботинках уже начали противно неметь от ползущего снизу холода, но я этого почти не замечала.

Моя знаменитая магия прагматизма, которая так безотказно хранила меня последние недели, дала катастрофический сбой. Я физически чувствовала, как этот проклятый документ отравляет воздух вокруг меня. От бумаги разило въедливой типографской краской, дешевым канцелярским клеем и той стерильной, бездушной подлостью, которая способна убить любую живую идею вернее самого жестокого ноябрьского заморозка. Этот липкий запах безжалостно вытеснял с моей кожи родные ароматы утреннего эспresso, влажного торфа и теплого дома. Я чувствовала себя так, словно кто-то подошел сзади с огромной ржавой лопатой и перерубил мой главный стержневой корень, оставив медленно, мучительно засыхать на холодном ветру.

Тишину спального района внезапно разорвал звук, поразительно похожий на предсмертные хрипы сломанной кофемашины, в которую забыли залить воду.

Я медленно, словно сквозь толщу мутной воды, подняла голову. Из серой пелены моросящего дождя вынырнула процессия, абсолютно чужеродная для нашего потрескавшегося дворового асфальта.

Впереди, тяжело и обреченно переваливаясь на коротких кривых лапах, шел Кодекс - мопс невероятной, выдающейся степени уныния. Он был похож на пережаренную сардельку, которая всем своим видом выражала глубочайшее, философское презрение к лужам, осени и человечеству в целом. А на другом конце натянутого кожаного поводка возвышался Карл Генрихович.

Наш сосед-мизантроп даже мусорный пакет выносил так, словно направлялся на экстренное заседание Палаты Лордов. Сегодня на нем был безупречный твидовый костюм-тройка

цвета темного графита и дорогое кашемировое пальто, на широком воротнике которого искрились крошечные капли дождя. Над его головой куполом раскрывался огромный черный зонт-трость с серебряным набалдашником на ручке. Старик вышагивал между лужами с грацией сапера на минном поле.

Карл Генрихович остановился напротив моей скамейки. Он окинул меня долгим, немигающим взглядом выцветших, но по-прежнему пронзительно колючих глаз. Я была единственной жилищей в нашей серой пятиэтажке, кто никогда не сюсюкал с его задыхающейся собакой и не пытался завести с ним пустые, бессмысленные светские беседы о погоде у почтовых ящиков. Кажется, именно за этот спасительный цинизм старик меня молчаливо, по-своему уважал. И то, что я сейчас сидела в луже с потеряннным видом, явно нарушало его личный эстетический баланс двора.

- Варвара Николаевна, - его голос прозвучал сухо и скрипуче, как старый пергамент, который разворачивают впервые за сто лет. - Вы выглядите как несчастный корнеплод, забытый нерадивым фермером в зоне рискованного земледелия. Что именно заставило вас удобрять эту муниципальную скамейку своим очевидным, кричащим отчаянием?

У меня совершенно не было сил язвить в ответ. Слова застряли в горле колючим, непроглатываемым комом. Я просто разжала онемевшие пальцы и молча протянула ему скомканную досудебную претензию.

Карл Генрихович брезгливо приподнял густую седую бровь. Он медленно стянул одну кожаную перчатку, взял бумаги двумя длинными, сухими пальцами, словно это была дохлая, заразная мышь, и извлек из нагрудного кармана пальто стильное пенсне на тонкой золотой цепочке.

Пока старик вчитывался в убогий текст, Кодекс подошел к облупившейся ножке моей скамейки, меланхолично обнюхал мокрое дерево и попытался на него помочиться. Но, видимо, счел это действие слишком энергозатратным для такой мерзкой погоды и просто уселся задом прямо в холодную лужу, тяжело, со свистом вздыхая.

Внезапно Карл Генрихович замер. Его острый взгляд споткнулся о какую-то строчку в самом начале документа.

- Лобов Леонид Аркадьевич... - медленно, по слогам прочитал старик, словно пробуя имя моего бывшего мужа на вкус и находя его отвратительным. Лицо соседа начало стремительно меняться, приобретая брезгливо-хищное, почти плотоядное выражение. - Тот самый Лобов? Ваш бывший супруг? Офтальмолог из частной клиники за углом?

Я непонимающе кивнула, плотнее запахивая полы тонкого плаща от очередного порыва ледяного ветра.

- Какая поразительная, кристально чистая клиническая наглость, - Карл Генрихович медленно опустил бумаги и посмотрел на меня поверх стекол пенсне. В его глазах зажегся недобрый, пугающий, почти юношеский огонь. - Пять лет назад этот ваш недоучка с манией величия выписал мне рецепт на очки для чтения. Он, видите ли, перепутал оси цилиндров для моего старческого астигматизма. В результате его, с позволения сказать, медицинского гения, я целую неделю здоровался лбом с дверными косяками в собственной квартире, пока не обратился к нормальному специалисту в столице. И этот косорукий бракодел теперь претендует на чужую интеллектуальную собственность?

Старик снова уткнулся в бумаги. Старческая сутулость, которая обычно делала его похожим на уставшего, нахохлившегося грифа, вдруг исчезла без следа. Он расправил узкие плечи, а его голос обрел стальные, лязгающие инквизиторские нотки. Передо мной стоял совершенно другой человек.

- Создание психоэмоционального комфорта... - зачитал Карл вслух и издал такой громкий, сухой лающий смех, что Кодекс испуганно хрюкнул, а с ближайшего голого тополя в панике снялась стая ворон. - Господи, какую же восхитительную, эталонную чушь пишут

нынешние дипломированные юристы. Варвара Николаевна, этот документ - дырявое компостное ведро. Он угрожающе смердит на всю округу, но внутри нет абсолютно никакой структурной субстанции. Это чистый юридический вакуум, прикрытый дешевым словесным пафосом.

- Он наложит арест на мои патенты, - мой голос дрогнул, выдав с головой весь тот животный, первобытный страх, который сковал меня изнутри. - Карл Генрихович, если будет суд, мне закроют возможность продавать семена. Мой новый контракт с рестораном рухнет в тот же день. Министерство не даст мне грант. Леня просто уничтожит дело всей моей жизни, чтобы шантажом заставить меня отдать ему половину квартиры.

Сосед сложил листы претензии втрое идеальными, выверенными движениями балаганного фокусника и невозмутимо спрятал их во внутренний карман своего роскошного кашемирового пальто.

- Никто ничего не наложит, - отрезал он тоном, не терпящим даже намека на возражения. - До того как выйти на заслуженную пенсию и заняться духовным воспитанием этой шерстяной сардельки, я тридцать лет работал адвокатом по патентному праву. В девяностые и нулевые я отбивал сложнейшие изобретения у таких прожженных рейдеров, по сравнению с которыми ваш бывший муж - просто инфузория-туфелька, страдающая хронической изжогой.

Я сидела с приоткрытым ртом, чувствуя, как ледяные капли дождя беспрепятственно скатываются по моим щекам. Сосед-мизантроп, которого весь наш панельный дом считал просто ворчливым старым сухарем, ненавидящим людей, оказался глубоководной акулой юриспруденции.

- Я беру ваше дело, Варвара, - Карл Генрихович не спрашивал, он сухо констатировал факт. - Абсолютно бесплатно. Про боно, как говорят в наших просвещенных кругах. Исключительно ради глубокого садистского удовольствия раскатать раздутое самолюбие этого офтальмолога по паркету зала суда максимально тонким, ровным слоем. Мы потребуем у его защиты поминутный график его так называемого соавторства. Пусть докажет, что он думал о калийных удобрениях, пока вы гладили ему носки. Непрофессионализм должен быть наказан, а покушение на чужой талант - показательно уничтожено.

Он сунул затянутую в кожу руку в карман, извлек оттуда крошечный, заранее нарезанный кусочек дорогого, выдержанного пармезана и скормил его Кодексу. Мопс проглотил сыр не жуя, словно это была сургучная печать на невидимом, дьявольски выгодном для меня контракте.

Затем Карл Генрихович сделал шаг ко мне. Он протянул мне свою руку.

Я неуверенно, с замиранием сердца вложила свои ледяные, перепачканные землей пальцы в его ладонь. Сквозь перчатку я почувствовала жесткую, деловую, абсолютно безжалостную хватку хищника, который наконец-то почуял запах свежей крови после долгих лет скучной, вынужденной диеты.

В этот самый момент жуткое чувство удушья, которое выгнало меня из теплой квартиры на улицу, лопнуло, как тонкий мыльный пузырь. Моя внутренняя магия прагматизма с триумфом вернулась на свое законное место, стремительно разгоняя по онемевшим венам горячую кровь. Мороз больше не имел надо мной никакой власти. Я только что, совершенно случайно, приобрела самую ядовитую, самую непробиваемую юридическую броню во всем Старо-Коренске. И эта броня носила твидовый костюм и питала слабость к пармезану.

Карл Генрихович с неожиданной для его возраста силой потянул меня вверх, заставляя подняться со скамейки.

- Поднимайтесь, Варвара. Хватит удобрять местную осеннюю флору своими слезами, это абсолютно контрпродуктивно, - старик брезгливо стряхнул невидимую пылинку с рукава пальто и коротко дернул поводок мопса. - Идемте к вам. И заварите мне вашего самого злого, самого крепкого черного чая. Нам предстоит составить подробный план вскрытия этого

офтальмологического недоразумения. А правосудие, как известно, категорически не терпит слабых напитков.

Я кивнула, стряхивая лишнюю влагу с бежевого плаща, и мы вместе шагнули в темноту подъездной двери, навстречу большой юридической войне. И почему-то я была абсолютно, кристально уверена, что на этот раз смертельные заморозки ударят совсем не по моей территории.

Глава 13. Анатомия юридического крючкотворства

- Этот ваш адвокат, Варвара Николаевна, явно черпал вдохновение на дне бутылки с очень дешевым, безнадежно скисшим портвейном, - сухой, скрипучий голос Карла Генриховича разрезал кухонное пространство без всяких прелюдий.

Я стянула мокрый бежевый плащ, повесив его на крючок в прихожей, и поежилась, обхватив себя руками поверх мягкой домашней кофты. Ледяной уличный озноб, пробравшийся через голые ступни, засунутые в осенние ботинки в спешке, постепенно отступал. На моей светлой кухне, где два десятилетия кряду сервировалась пугливая, диетическая еда для Лениного нежного желудка, теперь вершилось безжалостное правосудие.

Карл Генрихович сидел за моим столом в своем безупречном графитовом костюме-тройке, словно лорд-канцлер на выездном заседании. Рядом с ним стояла чашка того самого «злого» черного чая, который я заварила ему минуту назад. Под столом, издавая ритмичные звуки неисправного кузнечного меха, устроился мопс Кодекс. Воздух в квартире, еще недавно пахнувший паникой и дешевой типографской краской дурацкого иска, стремительно менял плотность. Теперь здесь витал терпкий аромат дорогого мужского парфюма с нотками сандала, крепкой заварки и въедливого, спасительного цинизма.

- Он пишет про «надежный семейный тыл», - старик брезгливо подцепил тремя пальцами скомканные листы претензии, словно это была зачумленная крыса. - Юридическая поэзия для бедных умом. В патентном праве, деточка, ваши безупречно выглаженные рубашки и паровые котлеты не имеют абсолютно никакого веса. Чтобы претендовать на урожай интеллектуальной собственности, нужно держать в руках метафорическую тяпку, а не просто лежать бревном возле теплицы, периодически жалуясь на метеоризм.

Дверь в коридор тихонько скрипнула. На пороге возникла Инна. На одном ее плече криво висел тяжелый школьный рюкзак, а кислотно-зеленый пучок на макушке выражал крайнюю степень удивления. Она переводила округлившиеся глаза с меня на соседа-мизантропа, который невозмутимо делал крошечный глоток из керамической кружки.

- Ого, - выдала дочь, вынимая из уха один белый наушник. - У нас утреннее заседание тайного ордена инквизиторов? Папе уже начали шить куклу вуду из старых носков?

- Мы препарируем иск твоего отца, Иннусь, - я устало опустила на стул напротив Карла Генриховича, чувствуя, как внутри медленно разжимается тугая, холодная пружина страха. - Карл Генрихович любезно согласился нам помочь. На безвозмездной основе.

- Приветствую, юная леди, - старик чуть склонил голову, блеснув стеклами пенсне на тонкой золотой цепочке. - Ваша матушка сегодня утром едва не удобрила своими слезами муниципальную скамейку из-за вопиющей юридической безграмотности одного заносчивого офтальмолога. Пришлось срочно вмешаться ради сохранения эстетического баланса нашего двора.

Инна фыркнула, одобрительно подняла большой палец вверх и направилась к входной двери, на ходу застегивая куртку.

- Раскатайте его там в тонкий блин, Карл Генрихович! А то он вчера в трансляции Пипетки снова ныл, что мама лишила его зоны комфорта. Хорошего дня, инквизиция! - звонко хлопнула дверь.

Сосед проводил подростка долгим, нечитаемым взглядом и снова вернулся к бумагам.

- Вернемся к нашим сорнякам, - он требовательно постучал сухим костяшком пальца по столешнице. - Слова к делу не пришьешь, Варвара. Адвокат вашего мужа рассчитывает исключительно на психологический испуг. Следующим шагом они подадут ходатайство об обеспечительном аресте патента. Судья, не имея ни малейшего желания вникать в ботанические тонкости на этапе подготовки, может его легко удовлетворить до конца разбирательств. Арест

означает, что вы не сможете продавать семена, заключать контракты и, что самое болезненное, получать ваши драгоценные государственные гранты. Нам нужно убить этот иск на подлете. Разрубить больной корень одним ударом.

Магия прагматизма внутри меня окончательно проснулась, безжалостно вытесняя жалкие остатки жертвенности.

- Что для этого нужно? - мой голос зазвучал ровно и по-деловому. Я спрятала заледеневшие ступни под теплый край домашнего пледа, брошенного на стул.

- Железобетонная, осязаемая фактура, - отрезал старик. - Журналы лабораторных исследований. Даты скрещиваний. Графики мутаций вашего перца. Нам нужно доказать суду непрерывный, самостоятельный, сугубо научный процесс, в котором присутствие вашего мужа ограничивалось исключительно поглощением кислорода в соседней комнате.

Я не стала терять ни секунды. Вытащила телефон и набрала номер Матрены Кормановны. Услышав слова «обеспечительный арест патента» и «угроза гранту», директриса НИИ выдала в трубку такую многоэтажную, витиеватую конструкцию из агрономических терминов и ненормативной лексики, что даже Кодекс под столом уважительно крякнул.

Ровно через сорок минут в мою дверь позвонили так, словно за ней стоял отряд быстрого реагирования.

Матрена влетела в прихожую подобно разгневанному советскому ледоколу, не знающему преград. На ней был ее неизменный строгий костюм мышиного цвета, на широких плечах блестяли капли ноябрьского дождя, а в руках она сжимала тяжелую, необъятную брезентовую сумку. Вместе с ней в квартиру ворвался плотный запах озона, мокрого асфальта и монументальной административной ярости.

- Где этот иск?! - рявкнула она с порога, не тратя время на снятие обуви и напрямик маршируя на мою светлую кухню. - Если этот близорукий моллюск думает, что может безнаказанно наложить свои потные лапки на мой государственный миллионный грант, я его лично закопаю в четвертом парнике! Как фосфорное удобрение он принесет отечественной науке куда больше пользы!

Она резко затормозила у стола, наткнувшись на немигающий взгляд выцветших глаз Карла Генриховича.

Столкновение двух стихий было почти физически осязаемым. Изысканный аристократ-мизантроп в графитовом твиде и суровая хозяйка агро-института изучали друг друга в звенящей тишине.

- Матрена Кормановна, мой бессменный директор, - поспешно представила я, переводя дух. - А это Карл Генрихович. В прошлом - один из лучших специалистов столицы по патентному праву. Он наш адвокат.

Матрена прищурилась, профессионально оценивая идеальную осанку соседа, его надменный подбородок и золотую цепочку пенсне. Затем она с тяжелым, внушительным грохотом опустила брезентовую сумку прямо на мой обеденный стол.

- Если вы пустите этого урода по миру без штанов, Карл Генрихович, - густым басом произнесла директриса, нависая над столом, - я лично буду поставлять вам лучшие фермерские огурцы и отборный редис до конца ваших дней.

- Предпочитаю хороший выдержанный пармезан, сударыня, - сухо парировал старик, но уголок его губ едва заметно дрогнул в подобии одобрительной улыбки. Альянс хищников был официально заключен. - Извлекайте ваши архивы. Посмотрим, из чего состоит этот ваш гений.

Из недр сумки на свет божий появились они. Толстые, потрепанные общие тетради на девяносто шесть листов. Журналы учета из личного несгораемого сейфа Матрены.

Они пахли так, как пахнет настоящая, невыдуманная жизнь. Застоявшимся лабораторным кофе, въедливым запахом аммиачной селитры, сухим торфом и тысячами часов моего кропотливого, методичного труда. На плотных страницах, исписанных моим убористым, мел-

ким почерком, хранилась вся сложная родословная «Ледяного пламени». Засушенные листья-образцы, заложенные между страниц, тихо зашуршали.

Троица склонилась над столом. Я осторожно переворачивала страницы, чувствуя под подушечками пальцев шершавую фактуру бумаги.

- Так, - Карл Генрихович медленно водил по строчкам золотым пером своей дорогой ручки. - Смотрим ключевые фазы. Варвара, когда произошел первый значимый прорыв? Когда геном вашего распрекрасного перца приобрел ту самую генетическую устойчивость к заморозкам?

- Три года назад, - я уверенно ткнула пальцем в пожелтевшую страницу с графиками. - Вот записи. Ноябрь. Я тогда провела в лаборатории шестнадцать смен подряд. Ночевала на скрипучей раскладушке возле радиатора. Выверенная формула калийной подкормки сработала ровно семнадцатого ноября.

- Прекрасно, - старик поднял на меня глаза. - А теперь напрягите память, моя дорогая. Где в этот триумфальный момент находился ваш драгоценный соавтор, обеспечивающий вам столь необходимый психоэмоциональный комфорт?

Я нахмурилась, мысленно отматывая пленку времени назад. Ноябрь трехлетней давности. Теплица. Густой запах влажной земли. Мой щенячий восторг от первых результатов. Пустая, тихая квартира по вечерам...

И вдруг я замерла. Губы сами собой растянулись в широкой, совершенно неконтролируемой усмешке.

- В Ессентуках, - выдохнула я, чувствуя, как внутри разливается пьянящее, искрящееся чувство абсурдности происходящего.

- Где? - Матрена нависла над столом, как тяжелая грозовая туча.

- В Ессентуках, в санатории закрытого типа! - я уже не могла сдерживать рвущийся наружу смешок. - У Лени тогда на фоне стресса в клинике якобы обострился его мифический гастрит. Он неделю лежал на диване и умолял отправить его на грязелечение. Он взял путевку на двадцать один день. Его даже физически не было в городе, когда я стабилизировала сорт!

Карл Генрихович издал звук, похожий на сухое трещание поленьев в камине. Он смеялся.

- Идем дальше, - адвокат с хищным азартом перевернул несколько страниц, едва не оторвав ветхий уголок. - Следующий этап. Весна прошлого года. Закрепление результата. Масовый посев в карантинной зоне. Здесь вы пишете про критические температурные тесты в барокамере.

- Апрель, - кивнула я, чувствуя себя так, словно сбрасываю тяжелую, грязную, налипшую чешую. - Я тогда две недели жила на одних энергетиках, потому что мы искусственно опускали температуру в парнике до минусовых значений, рискуя всем урожаем.

- Где был супруг? - Карл Генрихович смотрел на меня поверх пенсне, и в его взгляде читался абсолютный восторг палача, нащупавшего идеальный, неопровержимый аргумент.

- На симпозиуме в Сызрани! - торжественно объявила я, прихлопнув ладонью по столу так, что звякнула чашка. - На настоящем симпозиуме, Карл Генрихович, а не на том выдуманном, которым он прикрывал свою интрижку и поездку на Бали! Он уехал туда с огромным докладом про отслоение сетчатки и каждый вечер жаловался мне по телефону на сквозняки в гостинице. Он физически ненавидел мои разговоры про работу. Он заставлял меня замолкать за ужином, если я произносила слово «удобрение», потому что это, видите ли, портило ему аппетит!

Матрена Кормановна от души хлопнула широкой ладонью по своим бедрам, издав победный, трубный глас.

- Вот же гнилая, пустотелая брюква! - возвестила она. - Да мы его по стенке размажем! Я лично притащу в суд табели учета твоего рабочего времени! Ты у меня из лаборатории не вылезала, пока он свои нежные бока на грязях грел!

Карл Генрихович аккуратно, почти нежно закрыл старый лабораторный журнал. Он снял пенсне и методично протер стекла безупречно чистым носовым платком. В его медленных движениях сквозила уверенность человека, который только что выиграл партию в шахматы за три хода до мата.

- Алиби вашего мужа, Варвара Николаевна, - это его собственный, махровый, монументальный эгоцентризм, - сухо резюмировал старик, пряча платок в карман. - И он задокументирован лучше, чем история падения Римской Империи. Мы не просто отобьем его жалкие претензии на соавторство. Мы заявим встречный иск о компенсации морального вреда и попытке срыва государственного контракта. Пусть этот ваш мальчик в бордовых очках оплачивает судебный банкет из своего кармана.

Мопс Кодекс выбрался из-под стола, шумно отряхнулся и чихнул, словно ставя жирную, окончательную сургучную печать на этом деле.

Удушье, которое безжалостно гнало меня на улицу под ледяной дождь пару часов назад, исчезло без следа. Я глубоко, полной грудью вдохнула запахи своей обновленной кухни. Мой стержневой корень, который Леня попытался перерубить своим подлым письмом, мгновенно сросся, став втрое толще и крепче.

Я больше не была удобной, испуганной женой, патологически боящейся потревожить чужой комфорт. У меня была непробиваемая броня из пожелтевших страниц, преданных союзников и кристально чистой юридической фактуры.

Карл Генрихович и Матрена начали увлеченно обсуждать детали грядущего процесса, перебрасываясь едкими, саркастичными комментариями о современной судебной системе. Я сидела, слушая их голоса, и чувствовала абсолютный, кристальный покой.

Экран моего телефона, всё это время лежащего на краю стола рядом с давно остывшей чашкой утреннего эспresso, внезапно мигнул, выходя из спящего режима. Высветилось уведомление о пропущенном вызове. На дисплее ярко горело имя: «Афанасий Бродский».

Я смотрела на эти буквы, и внутри меня, вытесняя остатки адреналина, разливалось теплое, густое предвкушение. Юридические заморозки официально отменялись. Мой патент и моя гордость были в полной безопасности. А значит, пришло время ответить на звонок человека, который знал толк в настоящем огне и правильном мясе. Я взяла телефон в руки, готовая сделать первый уверенный шаг навстречу своему гастрономическому будущему.

Глава 14. Симфония жженого дуба

- Вы едите дикое мясо, Варва

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.